

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Междисциплинарный центр исследований европейской общественной мысли
(Санкт-Петербург, Россия)

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Россия)

Третья международная научная конференция

**Византия, Европа, Россия:
социальные практики и взаимосвязь духовных традиций**

21-23 сентября 2023 г., Санкт-Петербург

ПРОГРАММА

Санкт-Петербург 2023

Организационный комитет

Проф., д-р филос. наук *Владимир Вячеславович Козловский*, директор Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Проф., д-р филос. наук *Роман Викторович Светлов*, директор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Доц., канд. филос. наук *Алексей Павлович Козырев*, декан философского факультета Московского государственного университета (Москва, Россия)

Проф., д-р филос. *Тереза Оболевич*, зав. кафедрой философии религии, зам. декана философского факультета Папского университета Иоанна Павла II (Краков, Польша)

Проф., д-р филологии *Корнелия Ичин*, проф. Белградского университета (Белград, Сербия)

Канд. социол. наук *Руслан Геннадьевич Браславский*, зам. директора Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филос. наук *Алексей Эдуардович Савин*, зав. кафедрой философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, профессор Московской школы управления «Сколково» (Москва, Россия)

о. *Владимир Зелинский*, настоятель Православного Прихода Пресвятыя Богородицы Всех Скорбящих радость (Брешия, Италия)

Проф., д-р филос. наук *Златица Плашиенкова*, проф. философского факультета Университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)

Проф., д-р филос. наук *Евгений Анатольевич Маковецкий*, проф. кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук *Николай Борисович Иванов*, доц. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук *Лариса Грачиковна Тоноян*, доц. кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук *Елена Валентиновна Алымова*, доц. кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета, Русской Христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия)

Программный комитет

Проф., д-р филос. наук, *Алексей Алексеевич Грякалов*, проф. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Доц., канд. филос. наук *Олег Николаевич Ноговицин*, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия) – сопредседатель

Проф., д-р филос. наук *Алексей Валерьевич Малинов*, проф. кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филос. наук, *Галина Владимировна Вдовина*, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, зам. проректора по научной работе Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Москва, Россия)

Проф., д-р филос. *Иван Христов*, проф. Софийского университета им. Святого Климента Охридского (София, Болгария)

Проф., д-р филос. наук *Дмитрий Игоревич Макаров*, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, зав. кафедры общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной Консерватории им. М. П. Мусоргского (Екатеринбург, Россия)

Проф., PhD истории *Мирослав Даниш*, проф. Факультета искусств Университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)

Доц., канд. филос. наук *Антон Александрович Иваненко*, доц. кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., д-р филолог. наук *Дмитрий Александрович Черноглазов*, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, проф. кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук *Александр Николаевич Исаков*, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. ист. наук *Александр Александрович Сеницын*, доц. Русской Христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. ист. наук *Алексей Дмитриевич Пантелеев*, доц. кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., канд. филос. наук, *Дмитрий Сергеевич Курдыбайло*, доц. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

21 сентября

Секция: Европейская мысль от Нового времени к Модерну и ее рецепции в России

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

Ведущие — А.А. Иваненко, А.Б. Паткуль

11.00 – 18.30

Ноговицин Олег Николаевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Либерализм и моральный закон: к генеалогии понятия совести
в социальной метафизике И. Канта

*Иваненко Антон Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)*
Философия религии И.Г. Фихте: статьи периода «Спора об атеизме»

Кленин Петр Владиславович (ГБОУ гимназия №32 «Гимназия петербургской культуры»)
Формирование образовательных идеалов в традиции позднего немецкого Просвещения

Евлампиев Федор Игоревич (Санкт-Петербургский государственный университет)
Государство как духовная аристократия в философии Платона и Фихте

Алёткин Виталий Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет)
Педагогическое учение Фихте в «Речах к немецкой нации»

Евлампиев Игорь Иванович (Санкт-Петербургский государственный университет)
Взаимодействие идей Фихте и Гегеля в русской философии (на примере работ И.А. Ильина)

Презентация издания «Г. В. Ф. Гегель: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. / Сост.,
вступ. статья и комментарии И. И. Евлампиева. СПб.: РХГА, 2023 (Русский Путь)».

Ведущий — И.И. Евлампиев

13.30 – 14.00

14.00–15.00 Обеденный перерыв

*Шевцов Александр Викторович (Московский авиационный институт (национальный
исследовательский университет))*
К вопросу рецепции сочинения Л. Г. фон Якоба «Начертание всеобщей логики и критические
основоположения всеобщей метафизики» в русской философии

*Протопопов Иван Алексеевич (Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Москва; Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)*
Понятие о бытии и онтологическое доказательство существования Бога в философии Гегеля

Муравьев Андрей Николаевич (Санкт-Петербургский государственный университет)
Об одном малоизвестном отечественном мыслителе Серебряного века, погребенном на кладбище Юрмалы

Паткуль Андрей Борисович (Санкт-Петербургский государственный университет)
Региональные онтологии: от Гуссерля к Хайдеггеру

Савин Алексей Эдуардович (Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московская школа управления «Сколково», Москва)
Скрытая полемика с ленинизмом и формирование базового концепта критической теории в западном марксизме

Тимофеев Александр Иванович (Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения)

Мих. Лифшиц: проблема исходных понятий эстетики Гегеля

Ляшко Илья Анатольевич (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна)

Наследие Б. Спинозы в учении Э. Ильенкова

Лагутин Сергей Владимирович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Конец истории или история без конца. Проблема признания у А. Кожева и Р. Жирара

22 сентября

Секция: Византия в западноевропейском и славянском контекстах

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

Ведущие — *Д.С. Курдыбайло, О.Н. Ноговицин*

10.30 – 16.00

Акишин Сергей Борисович (независимый исследователь)
О месте Византии в системе «Философии истории» Гегеля

Даренский Виталий Юрьевич (Луганский государственный педагогический университет)
Три новейшие концепции истории византийской философии: М. Лурье, Я. Зозуляк, Г. Каприев

Кропотов Роман Сергеевич (Санкт-Петербургский государственный университет)
Тожественное и иное в контексте учения о личности в греческом богословии

*Пантелеев Алексей Дмитриевич (Санкт-Петербургский государственный университет),
Поникаровская Марина Владимировна (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)*
Греческая атлетика в Малой Азии и Египте римского времени (II–III вв.)

Миролюбов Иван Андреевич (Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Россия)
Novator et turbator: осмысление фигуры императора Константина Великого в сочинениях IV–VI вв.

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

О символах и символизме в экзегетических текстах Дидима Слепца:
между Филоном и Оригеном

Даниш Мирослав Йозефович (Университет Коменского в Братиславе, Словакия)
860-й год: византийско-хазарский диалог в контексте миссионерской политической практики

Спиридонова Лидия Валентиновна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Демонизация ислама в византийской агиографии: ключевые приёмы

Щукин Тимур Аркадьевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Михаил Пселл и Максим Исповедник как толкователи Григория Богослова

Щербakov Михаил Иванович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Обзор исследований комментариев и схолий к речам Григория Богослова

13.30–14.30 Обеденный перерыв

Курбанов Андрей Викторович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Греческая богослужебная поэзия VIII в. глазами византийцев XII в.: Феодор Продром и первый комментарий на каноны Космы Маюмского

Сенина Татьяна Анатольевна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Тема бессмертия души в философии Георгия Гемиста Плифона

Ульянов Олег Германович (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Высшая школа культурологии)
У истоков теории Москва - Третий Рим (византийские интеллектуалы при дворе Ивана III)

Тоноян Лариса Грачиовна (Санкт-Петербургский государственный университет, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского)
Логические исследования кн. Андрея Курбского

Круглый стол: Византийский Ренессанс XI – XV вв.: богословие, философия, политика

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

Ведущие — Д.А. Черноглазов, О.Н. Ноговицин

16.00 –20.00

Щукин Тимур Аркадьевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
«Единица, от начала подвигшаяся в двойственность»:
формула Григория Богослова в интерпретации византийских богословов XI-XII веков

Варламова Мария Николаевна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Материя как ничто: представление о материи у Иоанна Итала

Черноглазов Дмитрий Александрович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
«Философия намного уступает риторике»: соотношение двух дисциплин по мысли византийского ученого XII в.

*Спиридонова Лидия Валентиновна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН),
Курбанов Андрей Викторович (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)*
Философский комментарий Феодора Продрома на Луку 1:17

Макаров Дмитрий Игоревич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
О гибридном антично-христианском обосновании политики у Феодора Метохита

Семиколенных Мария Владимировна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Вопрос о единстве и троиственности божества
в контексте полемики аристотеликов и платоников середины XV века

Сенина Татьяна Анатольевна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Воззрения Георгия Гемиста Плифона на ислам
в контексте турецкой угрозы существованию Византии

Ноговицин Олег Николаевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Философия Георгия Гемиста Плифона и традиция неоплатонического комментария:
критика аристотелевской концепции категории отношения

Старикова Арина Олеговна (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Понятия ἡ φύσις и τὰ κοσμικὰ ἀγαθὰ в сочинении Георгия Схолария «Против апорий Плифона на Аристотеля»

22 сентября

Секция: Русская мысль между античным наследием, византизмом и европейской цивилизацией

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 516

Ведущие — А.А. Синицын, А.А. Гравин

10.30 – 18.00

Мочалова Ирина Николаевна (Санкт-Петербургский государственный университет)
Древнегреческая философия в отечественных детских журналах XVIII века»

Бегичев Александр Дмитриевич (Санкт-Петербургский государственный университет)
Осмысление неоплатонизма как формы античной культуры в российских журналах XIX века

Синицын Александр Александрович (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского)

Византия — Русь, Европа — Россия: два истока сведений об античных философах в русской литературе (образ Сократа)

Серкова Вера Анатольевна (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Принцип мистагогии как архитектурная программа

Фуртай Франциска Викторовна (Ленинградский университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Пикардия, Латинская империя, Русь: к вопросу о невероятных иконографических совпадениях

Байкова Алина Дмитриевна (Удмуртский государственный университет, Ижевск)

К вопросу о преемственности великокняжеских титулов второй половины XV века из византийской традиции в отечественной историографии

Ищенко Нина Сергеевна (Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова)

Репрезентация несторианского богословия в романе Е. Хаецкой «Голодный грек, или Странствия Феодула»

Скворцов Артем Михайлович (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН)

«Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые... выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита диссертации Н. С. Лебедевым о В. Г. Васильевском в 1943 г.

13.30–14.30 Обеденный перерыв

Куприянов Виктор Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова)

В.И. Ламанский и Н.Я. Данилевский о роли языка как связующей силы славянской цивилизации

Николаев Николай Юрьевич (Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета)

«Война как средство объединения человечества» или В.С. Соловьев о войне и мире

Медоваров Максим Викторович (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Национальный характер албанцев в представлении российской общественности второй половины XIX – начала XX в.

Кузнецова Светлана Вячеславовна (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

«Славянские известия» о ситуации в Боснии и Герцеговине в начале XX в.

Машукова Елена Юрьевна (Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского)

Христианство как основа общественной реформы (читая «Новый град»)

Маковецкий Евгений Анатольевич (Санкт-Петербургский государственный университет)
От мистики любви к метафизике любви: «Откровения» Анджели из Фолиньо в «Noctes Petropolitanae» Л.П. Карсавина

Фомин Вячеслав Владимирович (Кафедральный Воскресенский собор, Ханты-Мансийск; НЧОУ ДО «Духовно-просветительский центр»)
Ономатология Лосева – богословие или философия?

Гравин Артём Андреевич (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН)
Концептуализация мифа в философии и поэтике:
от Вячеслава Иванова к Людмиле Гоготишвили

Кузин Иван Владиленович (Санкт-Петербургский государственный университет)
Эрос и знание в романе А. Пятигорского «Философия одного переулка»

23 сентября

Пленарное заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, конференц-зал, ауд. 530

Ведущие — *Р.В. Светлов, О.Н. Ноговицин*

13.00 – 17.00

Грякалов Алексей Алексеевич (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)
Семиосфера и рефлексия

Рассел Джеймс (Гарвардский университет, США)
Русалка в Галиции

Иванов Николай Борисович (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)
Дионисий Ареопагит: гипостасис Духа

Исаков Александр Николаевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)
Философия истории в современной русской литературе

Светлов Роман Викторович (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта)
Национальное государство и империя в оценке российской историософии

Тантлевский Игорь Романович (Санкт-Петербургский государственный университет)
Религиозные, социально-политические и экономические особенности концепции
Вл. С. Соловьева касательно «разрешении еврейского вопроса» в рамках создания в
Российской империи единой православно-католическо-иудейской общности на
«теократической основе»

Ермичев Александр Александрович (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского)

Н.О. Лосский о возможной теоретической трансформации диалектического материализма

Ноговицин Олег Николаевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Понятия цивилизации и культуры в структуре либерального сознания: моральная религия и политическое сообщество

Аннотации докладов

Пленарные доклады

Грякалов Алексей Алексеевич / Alexey A. Gryakalov

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Семиосфера и рефлексия

В докладе рассматриваются проблемные соотношения символических конструкций бытия и рефлексии философско-эстетического сознания. Исследованы роль и значимость символических построений, приобретающих онтологические характеристики в познании и социализации. Актуализирована онто-логика символического, оказывающая существенное влияние на социальную онтологию и понимание бытия в целом. Это особенно значимо для современности, где эстетическое отношение к жизни, всегда связанное с чувственным переживанием и познанием, активно задействовано в манифестациях аффектированной социальной чувственности. На этом фоне происходит онтологизация символического, предстающая в текстоцентризме современности – позиционированная в совокупности текстов она рассматривается как глобальное произведение, где одновременно актуализированы эффекты произведенности и извода. В сфере социальной онтологии это значит в конечном счете, что акт отправления власти есть всегда некий перформанс.

Эстетика текстуальности словно бы пред-писывает объектной и человеческой размерности порядок социальных отношений – задает актуальный ход понимания. Символическое создает представления об объектности, которая пребывает между символическим «самим по себе» и его действиями в области прагматики («театральность») – создается новый обширный объект социальности. Энергия этой стяженности создает и новые отношения с бытием символического «самого по себе» – с тем как оно вос-производится и теми проекциями, которые возникают в социальных отношениях. В статье отмечена значимость открытий представителей отечественной гуманитарной науки и плодотворность методологических идей славянского структурализма, где глубоко исследована соотношенность произведений-объектов в их автономной структурности с социальными отношениями и эпистемологическими стратегиями гуманитарного знания.

Semiosphere and reflection

The report is dedicated to the problematic correlations of symbolic constructions of being and reflection of the philosophical and aesthetical conscience. It studies the role and meaningfulness of the symbolic constructions that acquire ontological characteristics in knowledge and socialization. It also actualizes onto-logic of the symbolic, having a significant impact on social ontology and comprehension of being as a whole. This is of great importance for modernity, since nowadays the aesthetic attitude to life, being always connected with sensory experience and cognition, is actively involved in the manifestations of affected social sensitivity. With this as a background, the ontologization of the symbolic goes, which demonstrates itself in the textocentrism of modernity, and, being positioned in the totality of texts, is regarded as a global masterpiece, where the effects of producedness and recension are simultaneously actualized. In the sphere of social ontology, it ultimately means that an act of exercise of power is always a sort of performance.

The aesthetics of textuality seemingly pre-scribes an order of social relations to the objectal and human dimensionality and sets the actual course of interpretation. The symbolic creates representations of the object being, which is positioned between the symbolic "itself" and its actions in the area of pragmatic ("theatricality"), where a vast new object of sociality is created. The energy of this contractedness also produces a new relationship towards the being of the symbolic "itself" with the way it is re-produced and the projections emerging in the social relations. The article highlights the significance of discoveries of our native human science and the fruitfulness of methodological concepts of Slavic structuralism, where we find profound research on the correlation of masterpieces-objects in their autonomous structurality with social relations and epistemological strategies of human science.

Рассел Джеймс Р. / James R. Russell

Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс, США, профессор, доктор филологии, профессор, Emeritus / Harvard University, Cambridge, MA, USA, Professor, Doctor of Philology, Emeritus

Русалка в Галиции

Образ русалки встречается в еврейской легенде из г. Бучач (Галиция) о любви Христианской девушки к еврейскому юноше. Легенда является свидетельством влияния славянских народных верований с древнейшими корнями на культуру местных евреев. Прослеживаются русские предания о русалке, анализируются стихи Велимира Хлебникова о ней, в особенности в его географически совпадающем произведении «Ночь в Галиции».

A Rusalka in Galicia

The image of the Rusalka is encountered in a Jewish legend from the city of Buczacz in Galicia, about the love of a Christian girl for a Jewish boy. The legend attests to the influence of Slavic folk beliefs with ancient roots on the culture of local Jews. The essay examines Russian traditions about the Rusalka and offers analyses of verses about her by Velimir Khlebnikov, especially in his geographically coincident "A Night in Galicia".

Иванов Николай Борисович / Nikolay B. Ivanov

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, доцент, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Дионисий Ареопagit: гипостасис Духа

Гипостасис — испытание Духа на предмет подлинности его животворного присутствия и взаимной определенности его трансцендентальных качеств — сокровенности, святости и свободы. Конститутивный для души смысл такого испытания очевиден как в горизонте мистического богословия, так и в горизонте экзистенциальной феноменологии. Не только Левинас или Лев Шестов, но и Хайдеггер в этом отношении — прямые наследники Дионисия Ареопagита с его диалектикой «единственной и сокровенной» Истины. Если мысль — «ипостась жизни» (о. Сергей Булгаков), то только оттого, что их сродство избирательно, рискованно и вдохновенно — распредмечивает гипостасис Духа.

Dionysius the Areopagite: Hypostasis of the Spirit

Hypostasis as an event is a test of the Spirit for the authenticity of its life-giving presence and the mutual determination of its transcendental qualities — intimacy, holiness and freedom. The constitutive meaning of such a test for the soul is obvious both in the horizon of mystical theology and in the horizon of existential phenomenology. Not only Levinas or Leo Shestov, but also Heidegger in this regard are the direct heirs of Dionysius the Areopagite with his dialectic of the "sole and hidden" Truth. If thought in general is the "hypostasis of life" (Fr. Sergey Bulgakov), then it is so only because their immanent affinity is selective, risky and inspiring — i.e., deobjectifies the hypostasis of the Spirit.

Исаков Александр Николаевич / Alexander N. Isakov

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Философия истории в современной русской литературе

В отечественной интеллектуальной традиции ее художественная составляющая тесно переплетена с философскими интенциями. Так, в творчестве Е. Водолазкина (роман «Соловьев и Ларионов») используется художественная модель, отсылающая к философским построениям Павла Карсавина, а именно, к его идее симфонической личности как подлинного исторического субъекта. Персонажи романа олицетворяют как бы различные уровни подобной субъективности, где высший уровень представлен фигурой генерала Ларионова, а остальные — его субституты, подчиненные смыслу целого. По мысли автора доклада, совершенно неслучайно антагонист генерала — красный командарм Жлоба, разгромленный им на поле боя, в конце концов спасает его от неминуемой смерти, благодаря своей парадоксальной приобщенности к надындивидуальному личностному единству исторического процесса, как его понимал П. Карсавин.

Philosophy of History in modern Russian Literature

In the Russian intellectual tradition, its artistic component is closely intertwined with philosophical intentions. So, in the work of E. Vodolazkin (the novel "Solovyov and Larionov"), an artistic model is used that refers to the philosophical constructions of Pavel Karsavin, namely, to his idea of a symphonic personality as a genuine historical subject. The characters of the novel embody, as it were, various levels of such subjectivity, where the highest level is represented by the figure of General Larionov, and the rest are his substitutes subordinate to the meaning of the whole. According to the author of the report, it is no coincidence that the general's antagonist, the red commander Jloba, defeated by him on the battlefield, eventually saves him from imminent death, thanks to his paradoxical involvement in the supra-individual personal unity of the historical process, as P. Karsavin understood it.

Светлов Роман Викторович / Roman V. Svetlov

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, профессор, доктор филос. наук / Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Национальное государство и империя в оценке российской историософии¹

В 1980-х годах историческая социология обратилась к теме империи с новых позиций. Теперь империя трактовалась не как уходящий рудимент малоцивилизованного прошлого, но как инструмент внесения порядка в хаос, подключения периферии к формам будущего. Об империи заговорили, используя метафору «вечного возвращения» этого феномена. Пример К. Леонтьева демонстрирует, что природа государства имперского типа анализировалась в русской философии достаточно плодотворно и значительно раньше современного поворота исторической социологии. Особенно интересен и поучителен взгляд Леонтьева на национальное государство и на его будущую судьбу.

The national state and empire in the interpretation of Russian historiosophy

Historical sociology turned to the problem of empire in the 1980s from a new perspective. Now the empire was interpreted not as a passing vestige of the uncivilized past, but as a tool for bringing order into chaos, connecting the periphery to the forms of the future. Scientists started talking about the empire, using the metaphor of the "eternal return" of this phenomenon. Example of K. Leontiev demonstrates that the nature of the imperial type of state was analyzed in Russian philosophy quite fruitfully and much earlier than modern historical sociology. There is no doubt that Leontiev's view of the national state and its future destiny is interesting and instructive.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153 "The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the XIX–XXI centuries" (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/21-18-00153/>

Религиозные, социально-политические и экономические особенности концепции Вл.С. Соловьева касательно «разрешении еврейского вопроса» в рамках создания в Российской империи единой православно-католическо-иудейской общности на «теократической основе»²

Трактат Вл.С. Соловьева «Еврейство и христианский вопрос», опубликованный в 1884 г., затрагивал крайне актуальные вопросы, касающиеся религиозно-политического и социально-экономического строительства Российской империи. К концу XIX в. еврейское население империи составляло около 5 млн человек, так что «главная масса еврейского народа и религиозный центр иудейства» находились тогда «не в Западной Европе, а в двух славянских странах — России и Польше», причем все десять губерний Царства Польского оказались в черте оседлости. После убийства в 1881 г. народовольцами императора Александра II в империи резко усилились антисемитские настроения и погромы, вызывавшие в еврейской среде тенденции радикализма, сепаратизма, настроя на эмиграцию. Националистические настроения откровенно политического толка были широко распространены в польской среде. Вл.С. Соловьев рано разглядел скрытые в тогдашней ситуации потенциальные коллизии и предложил выход, который бы, с его точки зрения, позволил православным, католикам и иудеям синергетически взаимно дополнять своими сильными сторонами единую теократическую общность Российской империи, которая может сложиться в государстве, а иудейству еще и окончательно восстановить свое «религиозное значение», ибо, по Соловьеву, «полнота христианства обнимает собою и иудейство, и полнота иудейства есть христианство». Таким образом, «христианство и еврейство имеют общую теократическую задачу — создание праведного общества». При этом ключевым в теологических построениях философа в связи разрешением «еврейского вопроса» является предсказание апостола Павла о том, что «весь Израиль спасется» (Рим. 11:26). И спасение это утвердится, прежде всего, в Российской империи.

По мнению Соловьева, теократия зиждется на взаимоотношении трех составляющих, имеющих свою самостоятельную сферу действия: это священство, царская власть и пророчество. Полнота теократического идеала требует равномерного и согласованного развития этих трех орудий Божественного правления. Церковность лишена практической самостоятельности и не может свободно воздействовать на общественную и народную жизнь. Российская самодержавная власть при отсутствии «настоящего правящего класса» «лишена необходимых орудий, чтобы ковать судьбу» империи. Народ российский — по подавляющему преимуществу «деревенская сила» — «без помощи городского разума остается силой слепой и беззащитной». В империи есть «добрые задатки» для развития, но «Россия, предоставленная самой себе, Россия одинокая, бессильна». И вот тут-то необходимо теснейшее сотрудничество с польскими католиками и российско-польским иудейством на теократической основе в отношении тех аспектов, которые продвинули развитие империи в целом. В Польше есть самостоятельный и в высшей степени деятельный высший класс — шляхта. Кроме того, в католичестве заключается один из существенных элементов христианской теократии, в котором первосвященническое начало — высшей степени развития, так что «только католичество представляет безусловную самостоятельность церковной власти перед государством и обществом». Соловьев справедливо приходит к выводу, что национальная церковь неизбежно становится государственной церковью. Для восстановления в себе независимой церковности русская православная церковь «должна иметь точку опоры вне себя, как некогда православие Востока находило себе твердую опору в западном первосвященстве». С другой стороны, римский первосвященник нуждается в заступничестве российского императора. Воссоединение между православием и католичеством должно освободить и усилить церковь на Востоке, а на Западе восстановить христианскую государственность. И поляки-славяне, по мнению Соловьева, подданные русского царя и духовные дети римского папы, как раз могут оказаться в этом проекте естественными посредниками. Тогда же возродится и пророчество, причем из среды всех народов.

Вл.С. Соловьев находит социально-политическую нишу российскому еврейству, особенно в областях Белой и Червонной Руси, где евреи в значительной степени представляли городской промышленный

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the XIX–XXI centuries” (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/21-18-00153/>

класс, имея в виду, что в дальнейшем они будут помогать экономически сельскому народу и в других областях империи. Окончательное выражение еврейской силы сосредоточивается в сфере материальной человеческой жизни, и эта область останется за евреями и в христианской теократии. В новой теократии целью экономической деятельности явится «очеловечение» материальной жизни и природы, устройство ее человеческим разумом, одушевление ее человеческим чувством, так что грядущий Израиль послужит деятельным посредником «новой земли» (ср.: Ис. 65:17; 66:22; ср. далее: 2 Петр. 3:13; Откр. 22:1). В то же время философ подчеркивает, что вхождение евреев в христианскую теократию окажется одновременно и «великим разделением иудейства»; таким образом, в конечном счете Соловьев оказывается непоследователен в следовании паулинистской доктрине о «спасении всего Израиля».

Religious, socio-political and economic peculiarities of V.S. Soloviev's concept of "resolving the Jewish question" within the framework of the creation a unified Orthodox-Catholic-Jewish community on a "theocratic basis" in the Russian Empire

Solovyov's treatise "Jewry and the Christian Question", published in 1884, touched upon highly topical issues concerning the religious-political and socio-economic construction of the Russian Empire. By the end of the 19th century, the Jewish population of the Empire was about 5 million people, so that "the main mass of the Jewish people and the religious center of Judaism" were then "not in Western Europe, but in two Slavic countries — Russia and Poland," with all ten provinces of the Kingdom of Poland falling within the Pale of Settlement. After the assassination of Emperor Alexander II in 1881, anti-Semitic sentiments and pogroms sharply intensified in the Empire, causing tendencies of radicalism, separatism, and emigration among the Jews. Nationalist sentiments of an openly political nature were widespread in the Polish milieu. V. S. Solovyov early recognized the potential collisions hidden in the situation at that time and proposed a way out, which, from his point of view, would allow the Orthodox, Catholics and Jews to synergistically complement each other with their strengths in a single theocratic community of the Russian Empire, which could be formed in the state, and to Judaism also to finally restore its "religious significance," for, according to Solovyov, "the fullness of Christianity embraces itself and Judaism, and the fullness of Judaism is Christianity." Thus, "Christianity and Jewry have a common theocratic task — the creation of a righteous society." In this case, the key in the theological constructions of the philosopher in connection with the resolution of the "Jewish question" is the prediction of the Apostle Paul that "all Israel will be saved" (Rom. 11:26). And this salvation will be established, first of all, in the Russian Empire.

According to Soloviev, theocracy is based on the relationship of three components that have their own independent sphere of action: priesthood, royal authority, and prophecy. The completeness of the theocratic ideal requires an equal and coordinated development of these three instruments of divine rule. Churchhood is deprived of practical autonomy and cannot freely influence public and popular life. The Russian autocratic power in the absence of a "real ruling class" is "deprived of the necessary instruments to forge the destiny" of the empire. The Russian people — overwhelmingly a "village force" — "without the help of urban reason remains a blind and defenseless force." In the Empire there are "good tasks" for development, but "Russia, left to itself, Russia alone, powerless." And this is where the closest cooperation with Polish Catholics and Russian-Polish Judaism on a theocratic basis is needed with regard to those aspects that will advance the development of the Empire as a whole. Poland has an independent and highly active upper class, the szlachta. Furthermore, Catholicism contains one of the essential elements of Christian theocracy, in which the high priesthood is the highest degree of development, so that "only Catholicism represents the unconditional autonomy of ecclesiastical authority before the state and society." Solovyov rightly concludes that the national church inevitably becomes the state church. In order to restore an independent ecclesiasticism in itself, the Russian Orthodox Church "must have a point of support outside itself, just as the Orthodoxy of the East once found a firm support in the Western high priesthood." On the other hand, the Roman high priest needs the intercession of the Russian emperor. A reunion between Orthodoxy and Catholicism should liberate and strengthen the Church in the East, and in the West restore Christian statehood. And the Slavic Poles, in Soloviev's opinion, subjects of the Russian tsar and spiritual children of the Pope of Rome, just may turn out to be natural mediators in this project. Then the prophecy will also be revived, and from the midst of all peoples.

V. S. Soloviev finds a socio-political niche for Russian Jewry, especially in the regions of White and Chervonnaya Rus, where Jews largely represented the urban industrial class, keeping in mind that in the future they would help economically the rural people in other areas of the empire as well. The final expression of Jewish power is centered in the sphere of material human life, and this area will remain reserved for the Jews in the Christian theocracy as well. In the new theocracy, the goal of economic activity will be to "humanize" material life and nature, to arrange it with human reason, to animate it with human feeling, so that the coming Israel will serve as the active mediator of the "new earth" (cf.: Is. 65:17; 66:22; cf. further: 2 Pet. 3:13; Rev. 22:1). At the same

time, the philosopher emphasizes that the incorporation of the Jews into the Christian theocracy will at the same time prove to be “the great division of Judaism”; thus, in the final analysis, Soloviev is inconsistent in following the Pauline doctrine of the “salvation of all Israel”.

Ермичев Александр Александрович / Alexander A. Ermichev

Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Russian Christian Academy for Humanities, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Н.О. Лосский о возможной теоретической трансформации диалектического материализма

У Н.О. Лосского есть около десяти выступлений с критикой диалектического материализма. Он не раз говорил, что после падения советского политического строя, марксистско-ленинская философия, которую он называет разновидностью философского натурализма, переродится в конкретный идеал-реализм.

Основанием тому была уверенность философа в истинности собственной философии – гносеологически оправданной и согласной с современным естествознанием.

Его позиция подпитывалась близостью некоторых положений собственной философии и философии диалектического материализма. Советские философы, избегая говорить о материи как виде и называя материей все бытие, близки к конкретизму, как принципу его собственной философии. Особенное внимание Лосского привлек известный тезис диамата о наличии в самом фундаменте материи психоидного (выражение Лосского) начала, что выводило советских философов на идеал-реализм. Утверждения советских диалектиков о взаимосвязанности и взаимозависимости всего существующего приближает их к органическому мирозерцанию. Дело остается за малым – надо признать иерархию субстанциальных деятелей.

N.O. Lossky on the possible theoretical transformation of dialectical materialism

N.O. Lossky has about ten speeches criticizing dialectical materialism. He has repeatedly said that after the fall of the Soviet political system, Marxist-Leninist philosophy, which he calls a kind of philosophical naturalism, will be reborn into a concrete ideal-realism.

The reason for this was the philosopher's confidence in the truth of his own philosophy – epistemologically justified and consistent with modern natural science.

His position was fueled by the proximity of some provisions of his own philosophy and the philosophy of dialectical materialism. Soviet philosophers, avoiding talking about matter as a species and calling all being matter, are close to concretism as a principle of his own philosophy. Lossky's particular attention was attracted by the well-known thesis of diamat about the presence of a psychoid (Lossky's expression) principle in the very foundation of matter, which led Soviet philosophers to the ideal of realism. The statements of Soviet dialectics about the interconnectedness and interdependence of everything that exists brings them closer to an organic worldview. The matter remains small – it is necessary to recognize the hierarchy of substantial figures.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Philosophy

Понятия цивилизации и культуры в структуре либерального сознания: моральная религия и политическое сообщество

В докладе обсуждается проблема двусмысленного понимания цивилизации и культуры в структуре социальных наук. С одной стороны, эта понятийная пара определяется на основе идеи множественности цивилизаций, то есть развитых до идеи универсальности состояния культуры сообществ, с другой – на основе либеральной идеи моральной исключительности либеральной демократии в качестве точки отсчета меры цивилизованности любых сообществ и конституирующих их основания культурных, религиозных и институциональных практик. Показано, что понятие цивилизации и его привязка к

культуре при одновременной редукции понятия религии как ведущей основы социальности в социальных науках является историческим продуктом формулировки либерального понятия о цивилизации. При этом само либеральное сознание конституируется через взаимодополнительность правовых и моральных практик, координируемых понятием универсальной морали. Парадокс универсальной морали, однако, состоит в том, что она способна конституировать сферу социального взаимодействия (т.е. всякое социальное действие, помимо тех практик, которые могут быть институализированы в форме публичного права), только в форме религии, а именно мировой моральной религии, для которой культура является лишь промежуточным этапом воспитания моральности до отчетливой рефлексии моральной веры как условия, которое поддерживает, с одной стороны, правовую форму либерального государства, а с другой – задает телеологически заданную норму существования либерального сообщества в целом.

The concepts of civilization and culture in the structure of liberal consciousness

This paper considers the problem of ambiguous understanding of civilization and culture in the structure of social sciences. This conceptual pair is defined, on the one hand, on the grounds of the idea of the plurality of civilizations, i.e. those developed up to the idea of the universality of the state of culture of societies, and, on the other hand, on the grounds of the liberal idea of moral exclusiveness of liberal democracy as a benchmark for a measure of civility of any societies and the cultural, religious and institutional practices which constitute their basics. We pointed out that the concept of civilization and its binding to the culture, simultaneously with the reduction of the concept of religion as a principal pivot of sociality in social sciences, appears to be a historical product of the formulation of the liberal concept of civilization. With that given, the very liberal consciousness is constituted through the complementarity of legal and moral practices coordinated by the concept of universal morality. However, the paradox of universal morality is that it is capable of constituting the sphere of social interaction (i.e., any social action apart from the practices that can be institutionalized in the form of public law) only in the form of religion, namely world moral religion, for which the culture is but an intermediate stage of schooling the morality up to a distinct reflection of moral faith as a condition which is supportive, on the one hand, for the legal form of liberal state, and, on the other hand, determines the teleological norm of existence of the liberal society as a whole.

Русская мысль между античным наследием, византизмом и европейской цивилизацией

Мочалова Ирина Николаевна / Irina N. Mochalova

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Древнегреческая философия в отечественных детских журналах XVIII века³

В истории отечественной мысли мы можем выделить различные практики освоения античной традиции. Цель доклада – раскрыть особенности представления древнегреческой философии в детских периодических изданиях и показать, какую роль играло обращение в журналах к античным философам. В докладе предлагается рассмотреть два первых журнала для детей и юношества – «Детское чтение для сердца и ума» (1785–1789) и «Растущий виноград» (1785–1787). Журнал «Детское чтение» был основан и редактировался вплоть до конца 1786 г. Н.И. Новиковым. Анализ публикаций журнала показывает, что в качестве фундамента национально-русского воспитания Новиков понимал освоение античных традиций. Проводником идеи гуманности, благородства, честности, великодушия на страницах журнала был

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII – XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01129 “Ancient Philosophy on the Pages of Russian Journals of the Second Half of the 18th - 19th Centuries: Disputes About the Nature of Philosophy, its National Peculiarity, and its Place in Domestic Culture” (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/23-28-01129/>

представлен Сократ; для изложения практической философии использовались переложения «Меморабилей» Ксенофонта из различных иностранных, прежде всего немецких, изданий для детей. Основанный по инициативе сотрудников Санкт-Петербургского Главного народного училища, «Растущий виноград» был ориентирован не столько на детей, сколько на юношество. Просветительские цели журнала определили отбор античного материала и особенности работы с ним. В обоих журналах античное наследие осваивалось через европейских посредников, что позволяет рассматривать журнал как пространство межкультурной коммуникации.

Ancient Greek philosophy in Russian children's magazines of the XVIII century

In the history of Russian thought, we can identify various practices of mastering the ancient tradition. The purpose of the report is to reveal the peculiarities of the presentation of ancient Greek philosophy in children's periodicals and to show what role the appeal to ancient philosophers in magazines played. The report proposes to consider the first two magazines for children and youth – “Children's reading for the heart and mind” (1785-1789) and “Growing grapes” (1785-1787). The journal “Children's Reading” was founded and edited until the end of 1786 by N.I. Novikov. The analysis of the journal's publications shows that Novikov understood the development of ancient traditions as the foundation of national Russian education. Socrates was represented as the conductor of the idea of humanity, nobility, honesty, generosity on the pages of the magazine; for the presentation of practical philosophy, translations of Xenophon's “Memorabilia” from various foreign, primarily German, publications for children were used.

“Growing Grapes” was focused not so much on children as on youth. The educational goals of the magazine determined the selection of antique material and the specifics of working with it. In both magazines, the ancient heritage was mastered through European intermediaries, which allows us to consider the magazine as a space of intercultural communication.

Бегичев Александр Дмитриевич / Alexander D. Begichev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, аспирант / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Graduate student

Осмысление неоплатонизма как формы античной культуры в российских журналах XIX века⁴

Отношение к неоплатонизму на протяжении истории неоднократно кардинально изменялось, как в зарубежной традиции, так и в отечественной. Цель данного доклада в ходе анализа таких периодических изданий как «Журнал Министерства народного просвещения», «Вера и разум», «Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения», «Православный собеседник» и «Христианское чтение», продемонстрировать отношение российских мыслителей 19-го столетия к неоплатонизму. Именно в этот период в России появляются первые серьезные попытки осмыслить неоплатонизм и историю его развития. Исследование показывает, что большинство авторов понимало неоплатонизм в широком смысле, не как философское учение, но как форму языческой культуры, завершающей свое многовековое развитие. Можно говорить о двух основных тенденциях в оценке неоплатонизма: для одного круга авторов (И.М. Скворцов, Е. Амфитеатров, А.П. Лебедев и др.) неоплатонизм предстает как бездумный синтез различных направлений и духовных практик, осуществленный с целью реформирования языческого политеизма; для другого круга (М.И. Владиславлев, И.А. Чистович и др.) неоплатонизм представляет закономерный высший этап развития античной культуры.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII – XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01129 “Ancient Philosophy on the Pages of Russian Journals of the Second Half of the 18th - 19th Centuries: Disputes About the Nature of Philosophy, its National Peculiarity, and its Place in Domestic Culture” (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/23-28-01129/>

Understanding Neoplatonism as a form of Ancient culture in Russian magazines of the XIX century

The attitude to Neoplatonism has repeatedly changed significantly throughout history, both in the foreign tradition and in the domestic one. The purpose of this report is to analyze such periodicals as "Journal of the Ministry of Public Education", "Faith and Reason", "Readings in the Society of Lovers of Spiritual Enlightenment", "Orthodox Interlocutor", "Christian Reading" and to demonstrate the attitude of Russian thinkers of the 19th century to Neoplatonism. It was during this period that the first serious attempts to comprehend Neoplatonism and the history of its development appeared in Russia. The study shows that most authors understood Neoplatonism in a broad sense, not as a philosophical doctrine, but as a form of pagan culture completing its centuries-old development. There are two main trends in the evaluation of Neoplatonism. For one circle of authors (I.M. Skvortsov, E. Amfiteatrov, A.P. Lebedev, etc.) Neoplatonism appears as a thoughtless synthesis of various trends and spiritual practices carried out with the aim of reforming pagan polytheism. For another circle (M.I. Vladislavlev, I.A. Chistovich, etc.) Neoplatonism represents the highest stage of the development of ancient culture.

Синицын Александр Александрович / Alexander A. Sinitsyn

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. историч. наук / Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in History

Византия — Русь, Европа — Россия: два истока сведений об античных философах в русской литературе (образ Сократа)

В докладе автор дает обзор двух начальных опытов восприятия в отечественной культуре древнегреческих философов на примере Сократа. 1) *Византия — Русь*. Ранние сведения о Сократе пришли в Древнюю Русь от православной Византии как следствие принятия Русью христианства. Первое знакомство русской культуры с античной литературой шло не напрямую от античных источников, а через переводы средневековых византийских памятников, которые представляли рецепцию греко-римской культуры в культуре византийской. Образованная русская древность ведала об эллинском мудреце Сократе, однако сведения о нем были ненаучными, фрагментарными и скудными, а круг лиц, сведущих о Сократе (как и о многих других античных философах), был ограничен. 2) *Европа — Россия*. Вторая «прививка» греко-римской культуры от новой просвещенной Европы XVIII столетия стала следствием глобальных петровских преобразований, нацеленных на обновление России, что, по замыслу Петра Великого, могла принести «европеизация» русской культуры. И тут уже были не скудные реплики древнерусской литературы о Сократе, а складывается рецепция образа прославленного афинского мудреца и подвижника. Автор доклада рассматривает упоминания о Сократе в поэтических переводах и оригинальных стихотворениях русских поэтов XVIII века: М.В. Ломоносова, Н.Н. Поповского, А.И. Дубровского, М.М. Хераскова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, Н. С. Смирнова и других служителей Музы. На первом этапе («византийская прививка») Сократ воспринимается в ряду других античных философов. Источники акцентируют внимание на нравственном аспекте его учения, от православной Византии русская культура заимствовала православного Сократа. В XVIII столетии («европейская прививка») в русской культуре складывается многоаспектный образ Сократа: противник тирании, патриот, истинный гражданин, галантный, мудрейший из людей, философ, герой, жертва, учитель, пророк, ироник, добронравный, справедливейший из людей. В эпоху «европеизации» миф о Сократе формируется в первую очередь через поэзию. Сначала через переводы немецких и французских стихотворцев, а затем и в оригинальных произведениях русской лирики.

Byzantine — Rus, Europe — Russia: Two sources of information about ancient philosophers in Russian literature (the image of Socrates)

The report surveys the Russian experience gained at two different times in comprehending the Ancient Greek philosopher (on the example of Socrates), when attempts were made to “inculcate” Ancient culture in the Russian mind. 1) *Byzantine — Rus*. The initial knowledge of Socrates came with the adoption of Christianity in ancient Rus. This first instance of acquaintance with the Ancient literature was indirect, through translated medieval Byzantine works which represented the Byzantine reception of the Antiquity.

Those educated ancient Russians who were fairly well-versed in Socrates, the Greek sage, were few and the information about him was anecdotal, fragmentary and scarce. 2) *Europe — Russia*. The second “inculcation” of ancient culture occurred as a result of the impact the new, enlightened Europe of the 18th century had on Peter the Great, who aspired to radically transform Russia by ‘Europeanizing’ the Russian culture. The nobility of the Russian Empire were to be educated in the humanitarian vein of European civilization. For that purpose, the new Empire invited foreign professors and academics, artists and scholars. The author examines references to Socrates in poetic translations and original verses of Russian poets of the 18th century: M.V. Lomonosov, N.N. Popovsky, A.I. Dubrovsky, M.M. Kheraskov, G.R. Derzhavin, N.M. Karamzin, N.S. Smirnov and other votaries of the Muse. The Russian verse features Socrates as a multifaceted person: a true citizen, anti-tyrant, patriot, the wisest of people, philosopher, hero, victim, teacher, prophet, Christian before Christ, satirist, the most veracious and kindest of all people — as it is, the myth of Socrates.

Серкова Вера Анатольевна / Vera A. Serkova

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Принцип мистагогии как архитектурная программа

Принцип мистагогии означает предуготовление к храмовому действию. У Максима Исповедника мистагогия обозначает «упорядоченное устройство божественных символов». В церковной традиции принцип мистагогии изначально проявился как основа катехизации, как заключительный момент оглашения, как готовность участвовать в таинствах, и, прежде всего, в таинстве евхаристии. В значении предуготовления к встрече с Богом мистагогия является основой церковной архитектуры. Так храм св. Софии Константинопольской признавался мистагогическим сооружением в силу своего «сверхъестественного» устройства, в котором, в отличие от явного и открытого построения ордерной архитектуры, воплощалось видимое воплощение умозрительного совершенства. Все в такой конструкции должно производить впечатление чудесного, непостижимого, недоступного человеческому разуму порядка. В такого рода сооружениях конструктивная логика схемы не должна быть явной, открытой, рационально доступной, как в ордерной архитектуре. Зодчие Анфимий из Тралла и Исидор из Милета, оба выдающихся ученых, много усилий приложили к тому, чтобы архитектурно выразить основы мистагогического устройства храма.

Mystagogy principle as an architectural program

The principle of mystagogy means pre-preparation for the temple action. In Maximus the Confessor, mystagogy means “the orderly arrangement of divine symbols”. In the Church tradition, the principle of mystagogy was originally manifested as the basis of catechesis, as the final moment of oath-taking, as the readiness to participate in the sacraments, and, above all, in the sacrament of the Eucharist. In the meaning of pre-preparation for the encounter with God, mystagogy is the basis of church architecture. Thus the church of St. Sophia of Constantinople was recognized as a mystagogical construction by virtue of its “supernatural” structure, in which, in contrast to the explicit and open construction of order architecture, the visible embodiment of speculative perfection was embodied. Everything in such a construction should give the impression of a marvelous, incomprehensible, inaccessible to human reason order. In this kind of structures, the constructive logic of the scheme should not be explicit, open, rationally available, as in the order architecture. The architects Anfimius of Thrall and Isidore of Miletus, both outstanding scholars, made much effort to express architecturally the basics of the mystagogical structure of the temple.

Фуртай Франциска Викторовна / Francisca Foortai

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор искусствоведения / Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Art History

Пикардия, Латинская империя, Русь: к вопросу о невероятных иконографических совпадениях

В 1219 году Роберт де Куртене унаследовал трон Латинской империи. Из Пикардии начинался долгий путь Роберта (1219–1221 гг.) до Константинополя. Готический архитектор Виллар де Оннекур бы в свите Роберта, возможно, тогда, Виллар взял с собой в далёкое путешествие дорожную книжку. На 6 листе (rectum) стр. 11 Виллар зарисовывает рельеф с надгробья сарацина в Константинополе, чья иконография имела выраженную герметическую символику. Интересно, что определённые иконографические совпадения можно найти на «Ветхозаветной троице» Андрея Рублёва, несмотря на два столетия, отделяющие рисунок готического архитектора Виллара де Оннекура и русскую икону.

Picardy, Latin Empire, Rus: On the question of incredible iconographic coincidences

In 1219 Robert de Courtenay inherited the throne of the Latin Empire. Robert's long journey (1219–1221) to Constantinople began from Picardy. The Gothic architect Willard de Honnecourt would have been in Robert's retinue, perhaps then, he took a travel book on a long journey. On folio 6 (rectum), page 11, Villard sketches a relief from the tombstone of a Saracen in Constantinople, whose iconography had a pronounced hermetic symbolism. Interestingly, certain iconographic coincidences can be found on Andrei Rublev's "Old Testament Trinity", despite the two centuries separating the drawing of the Gothic architect Willard de Honnecourt and the Russian icon.

Байкова Алина Дмитриевна / Alina D. Baykova

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, магистрант истории / Udmurt State University, Izhevsk, Russia, MSc Student in History

К вопросу о преемственности великокняжеских титулов второй половины XV века из византийской традиции в отечественной историографии

Цель исследования — сравнить мнения отечественных историков по проблеме преемственности великокняжеской титулатуры Ивана III из византийской традиции. Методологическую основу работы составили сравнительно-исторический, историко-типологический и проблемно-хронологический методы. В результате исследования было установлено: в отечественной исторической науке нет единого мнения к вопросу о преемственности великокняжеских титулов второй половины XV века из византийской традиции. Одни историки связывали, что титулы Ивана III заимствованы у византийских императоров, другие опровергали данное мнение, обосновывая видоизменение великокняжеской титулатуры результатом централизации, направленное на возвеличивание власти московского великого князя как единственного правителя Русского централизованного государства.

On the Issue of the Continuity of Grand Ducal Titles of the Second Half of the 15th Century from the Byzantine Tradition in Domestic Historiography

The purpose of the work is to compare the opinions of domestic historians on the problem of the continuity of the Grand Duke's titular of Ivan III from the Byzantine tradition. Comparative-historical, historical-typological and chronological methods were used. As a result of the study, it was established that in Russian historical science there is no consensus on the issue of the succession of grand ducal titles of the second half of the 15th century from the Byzantine tradition. Some historians linked that the titles of Ivan III were borrowed from the Byzantine emperors, others refuted this opinion, justifying the modification of the grand ducal title as a result of centralization, aimed at exalting the power of the Moscow Grand Duke as the sole ruler of the Russian centralized state.

Ищенко Нина Сергеевна / Nina S. Ishchenko

Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия, канд. филос. наук, доцент кафедры философии / Lugansk State Agrarian University named after K.E. Voroshilov, Lugansk, Russia, CSc in Philosophy

Репрезентация несторианского богословия в романе Е. Хаецкой «Голодный грек, или Странствия Феодула»

В докладе анализируются несторианские идеи, представленные в фэнтезийном романе современной российской писательницы Елены Хаецкой. Действие романа разворачивается в середине XIII века. Фигура главного героя и форма романа-путешествия сближает книгу Хаецкой с романом Умберто Эко Баудолино. Главные герои обоих романов живут и действуют в обширных евразийских степях, в тени важнейшего события XIII века – падения Константинополя, Баудолино – до происшествия, а Феодул после. Оба путешествуют не только в географическом, но и в культурном пространстве, попадая в страны, населенные вымышленными народами, стоящими между человеческой и нечеловеческой природой. Соединение двух природ в полулюдях имеет параллель в несторианском богословии, исследующем взаимоотношения двух природ Христа. Биография Нестория и его учение также является предметом изображения в романе. Таким образом, проблема соединения двух природ в одном существе решается в книге как на уровне художественного оформления материала, так и на уровне авторской рефлексии. Оба уровня исследуются в докладе.

Representation of Nestorian theology in E. Khayetskaya's novel "The Hungry Greek, or the Wanderings of Theodulus"

The paper focuses on the Nestorian ideas presented in a fantasy novel by the modern Russian writer Elena Khayetskaya. The action of the novel takes place in the middle of the XIII century. The figure of the main character and the form of the travel novel brings Khayetskaya's book closer to Umberto Eco Baudolino's novel. The main characters of both novels live and act in the vast Eurasian steppes, in the shadow of the most important event of the XIII century – the fall of Constantinople, Baudolino – before the incident, and Theodulus after. Both are travelling not only in geographical, but also in cultural space, getting to countries inhabited by fictional peoples placed between human and non-human nature. The union of two natures in half-humans has a parallel in Nestorian theology, which explores the relationship of the two natures of Christ. The biography of Nestorius and his teachings are also the subject of depiction in the novel. Thus, the problem of combining two natures in one being is solved in the book both at the level of the artistic design of the material and at the level of the author's reflection. Both levels are explored in the paper.

Скворцов Артем Михайлович / Artem M. Skvortsov

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия, доцент, научный сотрудник, канд. историч. наук / Saint-Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, Research Fellow, CSc in History

«Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые... выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита диссертации Н. С. Лебедевым о В.Г. Васильевском в 1943 г.

В центре внимания доклада – диссертационный диспут Н.С. Лебедева «В.Г. Васильевский как византист» (Ташкент, 1943 г.). Источниками служат стенограмма заседания Ученого совета, биографические материалы Лебедева, отложившиеся в деле по защите диссертации (Архив РАН), а также публикации соискателя. Еще в конце 1930-х гг. Лебедев задумал защитить диссертацию по теме «Византия и монголы», однако недоступность источников и литературы в годы Великой Отечественной войны скорректировала эти планы. Была выбрана в итоге историографическая тема. В виду немногочисленности подобных работ необходимо было разработать программу исследования. Лебедев не ограничился изложением основных выводов героя своей диссертации, но стремился проанализировать факторы становления Васильевского как ученого и условия появления византиноведения в России. Кроме того, соискатель оценивал достоинства и недостатки работ

дореволюционного академика. Выступающие на диспуте оппоненты – В.И. Пичета С.К. Богоявленский, а также Е.А. Косминский, отмечали важность «политического момента» защиты диссертации, а также значимость Васильевского для отечественной и мировой науки, в меньшей степени уделяя внимание характеристикам диссертационной работы Лебедева. Исследование выполняло важную идеологическую функцию – демонстрировало достижения русских ученых. Диспут, актуализируя дореволюционное наследие, служит определенным маркером возрождения византиноведения в России, начавшегося в конце 1930-х гг. и вошедшем в активную фазу в 1943 г.

“We must study and honour those scientists who... Brought Russian science to the first ranks”: The defence of the thesis on V.G. Vasilievsky by N.S. Lebedev in 1943.

The focus of this report is N.S. Lebedev’s dissertation entitled “V.G. Vasilevsky as a Byzantine Studies scholar” (Tashkent, 1943). Sources include the transcript of the Academic Council meeting, Lebedev’s biographical materials kept on file for his thesis (RAS Archive), and his publications. Back in the late 1930s, Lebedev had already intended to do a thesis on Byzantium and the Mongols, but the inaccessibility of sources and literature during the Great Patriotic War corrected these plans. A historiographical theme was eventually chosen. As there are few such studies, a research programme had to be developed. Lebedev did not limit himself to outlining the main conclusions of his thesis here, but sought to analyse the factors of Vasilievsky’s formation as a scholar and the conditions of the emergence of Byzantine studies in Russia. In addition, the applicant assessed the merits and shortcomings of the pre-revolutionary scholar’s work. The opponents who spoke at the debate – V.I. Picheta S.K. Bogoyavlensky and E.A. Kosminsky, pointed out the importance of the “political moment” of the thesis defence and the significance of Vasilievsky for national and world science, paying less attention to the characteristics of Lebedev’s thesis work. The research fulfilled an important ideological function – to demonstrate the achievements of Russian scientists. By bringing the pre-revolutionary legacy up to date, the debate serves as a certain marker of the revival of Byzantine studies in Russia, which began in the late 1930s and entered its active phase in 1943.

Куприянов Виктор Александрович / Viktor A. Kupriyanov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the history of science and technology of the RAS, St. Petersburg, Russia, Research Fellow, CSc in Philosophy

В.И. Ламанский и Н.Я. Данилевский о роли языка как связующей силы славянской цивилизации

В докладе предлагается сравнение цивилизационных концепций В.И. Ламанского и Н.Я. Данилевского. Показано, что Ламанский и Данилевский по-разному понимали славянское единство. Для Данилевского на первом плане стояло решение политических вопросов. Он полагал, что создание федерации славянских народов должно решить проблему единства славянства. В то же время коллега Данилевского – В.И. Ламанский полагал, что политическому объединению должно предшествовать культурное, прежде всего языковое. В этом отношении Ламанский особое внимание уделял русскому языку как главной связующей силе славянства. В докладе будет показано, что Ламанский и Данилевский полемизировали друг с другом по этому вопросу. Докладчик указывает, что Ламанский понимал идею объединения славян по аналогии с процессами объединения Германии и Италии, в основе которых, по его мнению, лежал поиск национальной идентичности через язык, что ставило как следствие и политические вопросы.

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the XIX–XXI centuries” (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/21-18-00153/>

V.I. Lamansky and N.Y. Danilevsky on the role of language as a binding force of Slavic civilization

The paper offers a comparison of civilization concepts of V.I. Lamansky and N.Y. Danilevsky. It is shown that Lamansky and Danilevsky understood Slavic unity differently. For Danilevsky the solution of political issues was in the foreground. He believed that the creation of a federation of Slavic peoples should solve the problem of Slavic unity. At the same time, Danilevsky's colleague V.I. Lamansky believed that political unification should be preceded by cultural, first of all linguistic unification. In this regard, Lamansky paid special attention to the Russian language as the main binding force of the Slavs. The paper will show that Lamansky and Danilevsky polemicized with each other on this issue. The speaker points out that Lamansky understood the idea of unification of the Slavs by analogy with the processes of unification of Germany and Italy, which, in his opinion, was based on the search for national identity through language, which raised political questions as a consequence.

Николаев Николай Юрьевич / Nikolay Yu. Nikolaev

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Волжск, Россия, доцент, кандидат исторических наук / Volzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volzhsk, Russia, Associate Professor, CSc in History

«Война как средство объединения человечества» или В.С. Соловьев о войне и мире⁶

Взгляды известного русского философа В.С. Соловьева на проблемы войны и мира отличались противоречивостью и идейной дихотомией. С одной стороны, ученый развивал идею всеединства как инструмента разрешения мировых конфликтов и установления всеобщего мира. В то же время В.С. Соловьев не рассматривал войну как абсолютное зло, оценивая ее как жестокий, но эффективный механизм распространения мира. Он критиковал «безусловно-отрицательное» отношение к войне и военной службе («толстовство»), видя в подобных идеях предательство человеческой солидарности, выраженной в государственной организации. В своей статье «Смысл войны» философ стремился предложить свое виденье феномена войны. По его мнению, война есть зло необходимое, порожденное разрозненностью человечества. Бинарное отношение к войне было продиктовано борьбой разума и совести. Разум не желал отказываться от войны как средства решения общественных противоречий, совесть, напротив, требовала такого отказа, который будет действенный лишь в случае нравственного переустройства человечества.

“War as a means of uniting humanity” or V.S. Soloviev about war and peace

The views of the famous Russian philosopher V.S. Solovyov’s views on the problems of war and peace were characterized by inconsistency and ideological dichotomy. On the one hand, the scientist developed the idea of unity as a tool for resolving world conflicts and establishing universal peace. At the same time, V.S. Soloviev did not view war as an absolute evil, assessing it as a cruel but effective mechanism for spreading peace. He criticized the «unconditionally negative» attitude towards war and military service (“Tolstoyan movement”), seeing in such ideas a betrayal of human solidarity expressed in state organization. In his article “The Meaning of War” the philosopher sought to offer his vision of the phenomenon of war. In his opinion, war is a necessary evil, generated by the fragmentation of humanity. The binary attitude towards the war was dictated by the struggle of reason and conscience. Reason did not want to renounce war as a means of solving social contradictions; conscience, on the contrary, demanded such a renunciation, which would be effective only in the event of a moral reorganization of humanity.

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272 «Антивоенные идеи в общественно-политической мысли России во второй половине XIX в.: основные подходы, особенности интерпретации и траектория развития», (Волгоградский государственный технический университет), <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01272 «Anti-war ideas in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: main approaches, features of interpretation and development trajectory», (Volgograd State Technical University), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01272/>

Медоваров Максим Викторович / Maksim M. Medovarov

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, доцент, ведущий научный сотрудник, канд. историч. наук / Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, Associate Professor, Leading Researcher, CSc in History

Национальный характер албанцев в представлении российской общественности второй половины XIX – начала XX в.⁷

Аннотация: Рассмотрены вехи формирования в российском общественном мнении образа албанцев как этнических осколков римско-византийского мира на Балканах. Продемонстрировано постепенное внедрение этой тематики в повестку дня панславистски и славянофильски настроенных дипломатов, журналистов, этнографов, а также попытки сербских и болгарских авторов повлиять на общественное мнение в России в данном отношении. Привлечены материалы периодической печати (либеральный «Вестник Европы», панславистские «Дым Отечества» и «Славянские известия»), публицистических статей, этнографических исследований (А.С. Ионин, А.Ф. Риттих), путевых очерков (А.В. Амфитеатров, А.А. Башмаков, Я. Лаврин). Рассмотрена связь роста осведомленности российской общественности об албанцах по мере нарастания борьбы по македонскому и албанскому вопросам в начале XX века. Отмечено преобладание образа албанцев как народа дикого и неуправляемого, склонного к насилию и разбоям. Наряду с этим показано возрастание между 1908 и 1916 годами положительных отзывов о них, что приводило к частичной коррекции устоявшегося образа.

The National Character of Albanians in the Representation of Russian Public of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

The milestones of the formation in the Russian public opinion of the image of Albanians as ethnic fragments of the Roman-Byzantine world in the Balkans are considered. The gradual introduction of this topic into the agenda of pan-Slavic and Slavophil-minded diplomats, journalists, ethnographers, as well as attempts by Serbian and Bulgarian authors to influence public opinion in Russia in this regard is demonstrated. Materials of the periodical press (liberal “Vestnik Evropy”, Pan-Slavist “Dym Otechestva” and “Slavyanskie Izvestiya”), journalistic articles, ethnographic studies (Alexander Ionin, Alexander Rittich), travel essays (Alexander Amfiteatrov, Alexander Bashmakov, Janko Lavrin). The connection between the growth of awareness of the Russian public about the Albanians as the struggle on the Macedonian and Albanian issues intensified at the beginning of the twentieth century is considered. The predominance of the image of the Albanians as a wild and uncontrollable people, prone to violence and robbery, is noted. Along with this, an increase between 1908 and 1916 of positive reviews about them is shown, which led to a partial correction of the established image.

Кузнецова Светлана Вячеславовна / Svetlana V. Kuznetsova

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук / Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, Senior Researcher, CSc in History

«Славянские известия» о ситуации в Боснии и Герцеговине в начале XX в.⁸

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-78-10006 «Российское общественное мнение по вопросам внешнеполитического курса России и ее места в международных отношениях (конец XIX — начало XX в.)» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10006 “Public Opinion in Russia on Issues of Foreign Policy and International Relations (Late Nineteenth — Early Twentieth Centuries)” (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod) <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006/>

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-78-10006 «Российское общественное мнение по вопросам внешнеполитического курса России и ее места в

Доклад посвящен обзору оценок положения Боснии и Герцеговины в начале XX в., представленных на страницах газеты «Славянские известия», печатного органа Петербургского Славянского благотворительного общества. Изучение публикаций по данной теме показало, что их авторы рассматривали кризисные явления в регионе как проявление цивилизационного конфликта: столкновения православия и католицизма, византизма и латинства, славянства и германизма. Босния и Герцеговина виделись им в качестве плацдарма для продвижения на Балканы Австро-Венгрии, выступавшей проводницей губительных для славян германских интересов. Сравнивая положение региона под властью турок и под властью австрийцев, авторы «Славянских известий» фактически описывали политику последних как культурицид в отношении сербов. В этой связи отдельное внимание в докладе уделено критике дипломатических решений и внешней политики России в целом, которые сделали возможным тридцатилетнее господство Габсбургов в Боснии и Герцеговине, завершившееся их аннексией в 1908 г., а также мнениям о возможных способах исправления ситуации.

“Slavyanskije Izvestia” about the situation in Bosnia and Herzegovina at the beginning of the XX-th century

The report is devoted to a review of assessments of the situation in Bosnia and Herzegovina at the beginning of the XX-th century presented in the newspaper “Slavyanskije Izvestia”, which was published by the St. Petersburg Slavic Benevolent Society. A study of publications on this topic has shown that their authors saw the crisis in the region as a manifestation of a civilizational conflict: the clash of Orthodoxy and Catholicism, Byzantium and Latinism, Slavism and Germanism. They considered Bosnia and Herzegovina as a bridgehead for the penetration of Austria-Hungary, which was in fact a conductor of destructive German interests, into the Balkans. Comparing the situation in the region under the rule of the Turks and the rule of the Austrians, the authors of “Slavyanskije Izvestia” described the policy of the latter as culturicide of the Serbs. In this regard, the report pays attention to criticism of diplomatic decisions and foreign policy of Russia in general made possible the thirty-year rule of the Habsburgs in Bosnia and Herzegovina, which ended with their annexation in 1908, as well as to opinions how it was possible to rectify the situation.

Машукова Елена Юрьевна / Elena Yu. Mashukova

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Христианство как основа общественной реформы (читая «Новый град»)

Предметом данного исследования является понимание новоградцами христианства, которое представлялось им тем фундаментом, на котором возможно было бы построить совершенное общество. Эмигрантский журнал «Новый град» выходил в Париже с 1931 по 1939 год. Авторами журнала были такие выдающиеся мыслители как Ф. Степун, И. Бунаков, Г. Федотов, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Гессен и др. В течение многих лет журнал последовательно стоял на позиции христианского социализма. Не принимая ни капитализм, ни сталинский социализм, новоградцы ищут третий путь для России, а в перспективе для всего человечества. Их социализм – это общество, в котором будет обеспечена свобода личности и приоритет духовных ценностей над материальными. Авторы журнала хорошо понимали, чтобы создать это новое общество, нужно изменить сознание людей. Сделать это новоградцы хотели с помощью общественной реформы, основанной на христианстве. Почему христианство? Во-первых, именно христианство является «вечной персоналистической революцией в мире» (Н. Бердяев), главным способом перехода от человека несвободного, ориентированного извне, к человеку свободному, руководимому высшими ценностями, принятыми как собственные внутренние ценности. Во-вторых, свое социальное

международных отношениях (конец XIX — начало XX в.)» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10006 “Public Opinion in Russia on Issues of Foreign Policy and International Relations (Late Nineteenth — Early Twentieth Centuries)” (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod) <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006/>

предназначение христианство выполняет в качестве ценностного основания общественной жизни и в качестве ее регулятивного принципа, оно содержит универсальные и абсолютные нормативы должного, без которых не стоит мир. И наконец, христианство новоградцев не нуждается ни в какой социальной организации - оно реализует свою социальную функцию в поступке конкретного человека, у которого христианство стало нормой личного поведения.

Christianity as the basis of social reform (Reading "Novy grad")

The subject of this study is the understanding of Christianity by Novograd residents, which seemed to them to be the foundation on which it would be possible to build a perfect society. The emigrant magazine *Novy Grad* was published in Paris from 1931 to 1939. The authors of the journal were such outstanding thinkers as F. Stepun, I. Bunakov, G. Fedotov, N. Berdyaev, S. Bulgakov, S. Hessen, etc. For many years, the magazine has consistently stood on the position of Christian socialism. Not accepting either capitalism or Stalinist socialism, Novograd residents are looking for a third way for Russia, and in the future for the whole of humanity. Their socialism is a society in which individual freedom and the priority of spiritual values over material values will be ensured. The authors of the magazine understood well that in order to create this new society, it is necessary to change people's consciousness. Novograd residents wanted to do this with the help of a social reform based on Christianity. Why Christianity? Firstly, it is Christianity that is the "eternal personalistic revolution in the world" (N. Berdyaev), the main way of transition from an unfree person, oriented from the outside, to a free person, guided by higher values, accepted as their own internal values. Secondly, Christianity fulfills its social purpose as the value basis of social life and as its regulatory principle, it contains universal and absolute standards of due, without which the world does not stand. And finally, the Christianity of Novograd residents does not need any social organization – it realizes its social function in the act of a particular person, for whom Christianity has become the norm of personal behavior.

Маковецкий Евгений Анатольевич / Eugene A. Makovetsky

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

От мистики любви к метафизике любви: «Откровения» Анджелы из Фолиньо в «Noctes Petropolitanae» Л.П. Карсавина

Среди ряда книг, повлиявших на содержание и жанр *Noctes Petropolitanae* Л.П. Карсавина («Аттические ночи» Авла Геллия, «Санкт-Петербургские вечера» Ж. де Местра, «Русские ночи» В.Ф. Одоевского), особого внимания заслуживают «Откровения» Анджелы из Фолиньо. Перевод этого сочинения и вступительная статья к нему были изданы Л.П. Карсавиным в серии «Библиотека мистиков» в 1918 году. Докладчик обращает внимание на те обстоятельства, которые либо были заимствованы из «мистики любви», либо получили в «метафизике любви» своё развитие в критическом ключе. Среди тех моментов, в которых мистика и метафизика любви сближаются, на первом месте стоит предмет обоих сочинений — любовь. Правда, если Анджела говорит о любви к Богу, то Карсавин занимается апологией человеческой любви и подбирает доказательства того, что именно любовь мужчины и женщины является путём к их взаимному спасению. Далее, вслед за Анджелой, Карсавин рассматривает спасение в качестве цели любви, дополняя понимание «значимого другого» для спасения, кроме Бога, ещё и фигурами Адама Кадмон, любимой, гипостазированной Любовью. Среди тех моментов из мистики любви, к которым выстраивается оппозиция в метафизике любви, отметим, что Карсавин аскетической любви противопоставляет плотскую; уходу от мира — апологию мира; а то, что Анджела описывает как «соблазны» любви, Карсавин раскрывает как условия спасения.

Анализ этих и других сходств и различий, существующих между двумя книгами, позволяет, во-первых, понять причины выбора Карсавиным метафизического жанра для его сочинения о любви, и во-вторых, даёт возможность интерпретировать положения карсавинской метафизики в контексте христианского богословия.

From the mysticism of love to the metaphysics of love: "Memorial" by Angela of Foligno in "Noctes Petropolitanae" by L.P. Karsavin

Among a number of books that influenced the content and genre of *Noctes Petropolitanae* by L.P. Karsavin ("Attic Nights" by Aulus Gellius, "St. Petersburg Evenings" by J. de Maistre, "Russian Nights" by V.F. Odoevsky), "Revelations" by Angela of Foligno deserve special attention. A translation of this work and an introductory article to it were published by L.P. Karsavin in the series "Library of Mystics" in 1918. The speaker draws attention to those circumstances that were either borrowed from the "mysticism of love" or were developed in a critical manner in the "metaphysics of love". Among those moments in which mysticism and the metaphysics of love come together, the subject of both works - love - comes first. True, if Angela talks about love for God, then Karsavin is engaged in an apology for human love and selects evidence that it is the love of a man and a woman that is the path to their mutual salvation. Further, following Angela, Karsavin considers salvation as the goal of love, supplementing the understanding of the "significant other" for salvation, besides God, with the figures of Adam Kadmon, the beloved, hypostatized by Love. Among those moments from the mysticism of love to which opposition is built in the metaphysics of love, we note that Karsavin contrasts ascetic love with carnal love; leaving the world - an apology for the world; and what Angela describes as the "temptations" of love, Karsavin reveals as the conditions of salvation.

Analysis of these and other similarities and differences that exist between the two books allows, firstly, to understand the reasons for Karsavin's choice of the metaphysical genre for his work on love, and secondly, makes it possible to interpret the provisions of Karsavin's metaphysics in the context of Christian theology.

Фомин Вячеслав Владимирович / Vyacheslav V. Fomin

Кафедральный Воскресенский собор, Ханты-Мансийск, Россия, священник, НЧОУ ДО «Духовно-просветительский центр», директор / Resurrection Cathedral, Khanty-Mansiysk, Russia, Priest, NPEI AE "Spiritual and Educational Center", Director

Ономатология Лосева – богословие или философия?

В докладе рассматривается соотношение философских взглядов А.Ф. Лосева и учения о нетварных Божественных энергиях святителя Григория Паламы и дается ответ, является ли ономатология Лосева раскрытием и расширением идей, изложенных фессалоникийским епископом или представляет собой новое учение, которое противоречит православной богословской традиции, являя собой платонистическую концепцию бытия.

Losev's onomatology – theology or philosophy?

The report examines the correlation of A.F. Losev's philosophical views and the doctrine of uncreated Divine energies of St. Gregory Palamas and gives an answer whether Losev's onomatology is the disclosure and expansion of the ideas set forth by the Bishop of Thessalonica or is a new teaching that contradicts the Orthodox theological tradition, being a platonic concept of being.

Гравин Артём Андреевич / Artyom A. Gravin

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Research Fellow, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Senior Researcher, CSc in Philosophy

Концептуализация мифа в философии и поэтике: от Вячеслава Иванова к Людмиле Гогтишвили

В рамках доклада будут рассмотрены особенности рецепции теории мифа Вяч. И. Иванова в диалектической системе А.Ф. Лосева и лингвофилософском проекте Л.А. Гогтишвили. Будет выявлен контекст теоретико-мифологических исследований начала XX века, рассмотрены отдельные определения мифа, а также продемонстрирован характер теоретической преемственности от Иванова к Лосева, а затем к Гогтишвили.

Conceptualization of myth in philosophy and poetics: from Vyacheslav Ivanov to Lyudmila Gogotishvili

In this report will examine the features of the reception of Vyach I. Ivanov's theory of myth in the dialectical system of A.F. Losev, the linguo-philosophical project of L.A. Gogotishvili, as well as in the R. Bird studies. The context of theoretical and mythological research at the beginning of the 20th century will be revealed, individual definitions of myth given by Russian religious philosophers will be examined, and the nature of theoretical continuity from Ivanov to Losev, and then to Gogotishvili and Bird will be demonstrated. At the end of the report, the heuristic potential of the identified understanding of myth in application to various areas of humanitarian knowledge will be assessed.

Кузин Иван Владиленович / Ivan V. Kuzin

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, DSc in Philosophy

Эрос и знание в романе А. Пятигорского «Философия одного переулка»

В докладе будет предпринята попытка проинтерпретировать и понять один из диалогов героев романа А. Пятигорского «Философия одного переулка» и связать поднятую в них тему с классическими философскими понятиями, исследованными в платоновской и кантовской аналитиках. В обмене репликами о понимании соотношения секса и любви находит свое отражение сложная эпистемологическая проблематика определения сущностной связи между знанием и осознанием. В результате обсуждения эпистемологическая проблематика обнаруживает свою онтологическую подоплеку, прояснение чего достигается через установление диалектической связи рассматриваемых понятий. Вывод, который позволяет сделать анализ кантовской философии, может указывать нам на невозможность работы теоретического разума без практического. Аналогичным образом разговор героев Пятигорского может свидетельствовать о том, что без любви секс не может быть узан в качестве такового. Онтологически сексуальное бытие обусловлено бытием любви. Сохраняющаяся неочевидность подобной обусловленности объясняется нашей недостаточной включенностью в бытие, что было раскрыто еще в теории припоминания Платона.

Eros and knowledge in the novel of A. Piatigorsky "Philosophy of one lane"

The report presents an attempt to interpret one of the dialogues of the heroes of A. Piatigorsky's novel "The Philosophy of One Lane" and to connect this theme with classical philosophical concepts studied in Platonic and Kantian analytics in Plato's and Kantian analytics. The exchange of remarks about understanding the relation between sex and love reflects the complex epistemological problematic of determining the essential relation between knowledge and awareness. As a result of the discussion, the epistemological problematic reveals its ontological background, which is clarified through the establishment of a dialectical relationship between the concepts. The conclusion that the analysis of Kantian philosophy allows us to draw may point us to the impossibility of the work of theoretical reason without practical reason. Similarly, the conversation of Piatigorsky's heroes may indicate that without love sex cannot be recognised as such. Ontologically, sexual being is conditioned by the being of love. The unobviousness of such conditioning is due to our insufficient involvement in being, which was revealed even in the Plato's theory of recollection.

Византия в западноевропейском и славянском контекстах

Акишин Сергей Борисович / Sergyei B. Akishin

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия / Independent researcher, St. Petersburg, Russia

О месте Византии в системе «Философии истории» Гегеля

В «Философии истории» Гегель не отводит значительного места Византии, причем он примечательным образом не рассматривает ее как самостоятельную цивилизацию, в основе своей отличающуюся от поздней Римской империи, и не воздает должное ее достижениям в качестве отдельного типа культуры, скорее, даже, относясь к ним с известным пренебрежением и неуважением. В нашей статье мы исследуем комплекс вопросов о том, каковы были возможные причины такой позиции Гегеля, и как мы могли бы сообразовать ее с нашим общим пониманием его мысли и представлениями о коренных основах общественно-культурной жизни Византии. Принципиальным аспектом мы полагаем различие между философским и теологическим подходами к важнейшей для периода становления культуры Византии концепции – воссоединению Абсолюта и человека, которое у Гегеля обозначено как «примирение». Это последнее, будучи показателем перехода одного великого периода истории в другой, не было продумано Гегелем как категория в рамках его системы, и, вследствие этого, может включать в себя гораздо больше, нежели то, что посчитало бы допустимым утверждать о Боге и человеке христианское богословие. Соответственно, исполнение или недолжное исполнение требований, сформированных для культуры на основе столь широких предпосылок, могло привести к негативной оценке Византии, которую мы встречаем в тексте Гегеля, оставляя за собой возможность, в свою очередь, признать наличие в ней определенной обзорной диспропорции.

On the position of Byzantium in the system of “Philosophy of History” by Hegel

In his “Philosophy of History”, Hegel does not allot sufficient place to Byzantium, notably neither considering it as an independent civilization, basically different from the late Roman Empire, nor paying tribute to its achievements as a type of culture, or even creating an impression of neglecting and disrespecting them. What were the possible reasons behind that and how could it be built into our understanding both of Hegel's thought and the deep roots of the Byzantine entity, are the issues raised in the present paper. Overall, we tend to believe them to mainly concern the difference between the philosophical and theological approaches in interpreting the concept which should be recognized as overriding for the initial period of the Byzantine culture, namely the re-establishment of the unity between the Absolute and human being, which Hegel calls “reconciliation”. This latter, being a sort of margin marker for the great stages of history, is not, however, thoroughly defined by Hegel as a category of his system and thereupon could be assumed to contain much more than what the Christian theology admitted to itself as relevant statements concerning the relationship between God and creation, as well as the introtrinitarian connections. Respectively, proper or improper fulfillment of the demands arising from such type of wide prerequisites could have led to the negativity of estimations for Byzantium, which we find in the text of Hegel to be possibly, in our turn, being evaluated as a certain disproportion of overview.

Даренский Виталий Юрьевич / Vitaly Yu. Darensky

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, профессор, доктор филос. наук / Luhansk State Pedagogical University, Luhansk, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Три новейшие концепции истории византийской философии: М. Лурье, Я. Зозуляк, Г. Каприев

Наследие византийской философии парадоксальным образом стало актуальным в начале XXI века в ареале восточно-христианской цивилизации. Это обусловлено, с одной стороны, завершением (самодеконструкцией) западной философии, которая ранее играла роль «основной традиции» для христианской философии; с другой – внутренними процессами возрождения православной интеллектуальной традиции, которое происходит в парадигме «назад – к отцам». Три истории византийской философии, появившиеся в последнее время очерчивают три возможные вектора её интерпретации и рецепции. Подход М. Лурье можно назвать библиоцентрическим – в нем философия трактуется лишь как особый «язык» для объяснения Откровения, а заслуга византийцев состоит в том, что они смогли «создать на основе категорий Аристотеля язык совершенно другой логики, подходящей для перевода на “греческий” язык “священнического богословия” Библии». Путь Я. Зозуляка состоит в построении истории византийской философии как особой самодостаточной системы мысли, развивавшейся параллельно западной, независимо от неё и на основе своих

собственных базовых категорий, из которых он выделяет «неписис» (трезвение), филокалию и др. Путь Г. Каприева состоит в рассмотрении византийской философии как истории «систем» (подобно западной), но на основе иного типа умозрения. Эти три подхода имеют равную ценность и взаимодополнительны.

Three newest concepts of the history of Byzantine philosophy: M. Lurie, J. Zozulyak, G. Kapriev

The legacy of Byzantine philosophy paradoxically became relevant at the beginning of the XXI century in the area of Eastern Christian civilization. This is due, on the one hand, to the completion (self-deconstruction) of Western philosophy, which previously played the role of the “main tradition” for Christian philosophy; on the other, to the internal processes of the revival of the Orthodox intellectual tradition, which takes place in the “back to the fathers” paradigm. Three recent histories of Byzantine philosophy outline three possible vectors of its interpretation and reception. Approach M. Lurie can be called bibliocentric – it treats philosophy only as a special “language” for explaining Revelation, and the merit of the Byzantines is that they were able to “create on the basis of Aristotle’s categories a language of completely different logic suitable for translating the “priestly theology” of the Bible into “Greek”. The path of Ya. Zozulyaka consists in constructing the history of Byzantine philosophy as a special self-sufficient system of thought that developed in parallel with the Western one, independently of it and on the basis of its own basic categories, from which he distinguishes “nepis” (sobriety), philokalia, etc. The path of G. Kapriev consists in considering Byzantine philosophy as a history of “systems” (like the Western one), but on the basis of a different type of speculation. These three approaches are of equal value and complementary.

Кропотов Роман Сергеевич / Roman S. Kropotov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, студент / Saint Petersburg State University, Saint-Petersbrug, Russia, student

Тожественное и иное в контексте учения о личности в греческом богословии

В докладе рассмотрено понятие «личность», его роль в современном богословии и проблемы, возникающие в связи с «личностной» интерпретацией вопроса о единстве и различии сущности и ипостасей в Св. Троице. Концепция «неопатристического синтеза», подразумевающая включение современных философских и теологических вопросов в контекст Предания Церкви, в определенный момент ввела в свой понятийный инструментарий это понятие в качестве едва ли не принципа всякого возможного разговора о Божестве и его взаимоотношениях с сотворенным космосом: это можно проследить, начиная с работ В. Н. Лосского и прот. Г. Флоровского, дальнейшее развитие концепция получила в творчестве Х. Яннараса, митр. И. Зизиуалса и иером. Мефодия (Зинковского). Главная проблема, встающая перед нами при попытке помыслить «личность» как богословскую категорию, заключается в том, что здесь как бы совмещается такое множество смысловых оттенков, что прояснить, что же значит «быть личностью» на языке богословия, становится весьма нетривиальной задачей. Сама концептуализация библейского Откровения в терминах античной философии вынуждает нас проследивать философские параллели с платонической и перипатетической традициями мысли, и при попытке интерпретировать патристику в терминах современной психологии, необходимо действовать крайне осторожно, чтобы не затемнить первоначальное понятие чуждыми ему смыслами.

В докладе представлена перспектива рассмотрения «личностной» проблемы богословия как своеобразной точки пересечения платоновской диалектики иного и тождественного, введенного в богословский контекст философского термина «ипостась» и современных психологических коннотаций понятия «личность». Предполагается последовательно рассмотреть те аспекты диалектического соотношения тождественного и иного, что характерны для богословского осмысления как бытия Троицы, так и существования сотворенного мира, выявить специфический смысл богословских терминов «ипостась» и «сущность», традиционно используемых для описания этих соотношений (на примере богословия отцов-каппадокийцев и Дионисия Ареопагита), показать какие смыслы актуализирует ввод «личности» как богословской категории в наше восприятие троичности Бога, как эти смыслы модифицируют наше видение богословия, и что при этом остается неизменным. Отдельно тематизируется связь понятий «личность», «сущность», «индивидуальность»,

«энергия», в современном богословии. Раскрывается, как «личность» со всем возможным многообразием ассоциаций и смыслов этого понятия выступает в новом свете через понимание её в русле апофатической теологии. Особое внимание уделяется богословию митр. И Зизиуласа и Х. Яннараса.

The identical and the different in the context of the doctrine of personality in Greek theology

The report offers the concept of “personality”, its role in modern theology and the problems arising in connection with the “personal” interpretation of the platonic dialectician of unity and difference of essence and hypostases in the St. Trinity. The concept of “neopatristic synthesis”, implying the inclusion of modern philosophical and theological issues in the context of the Tradition of the Church, at a certain point introduced this concept into its conceptual tools as almost the principle of any possible conversation about the Deity and his relationship with the created cosmos: this can be traced back to the works of V. N. Lossky and prot. G. Florovsky, the concept was further developed in the work of H. Yannaras, metropolitan I. Zizioulas and hieromonk Methodius (Zinkovsky). The main problem that confronts us when we are trying to think of “personality” as a theological category is that so many shades of meaning seem to be combined here that it becomes a very non-trivial task to clarify what it means to “be a personality” in terms of theology. The very conceptualization of Divine Revelation in terms of ancient philosophy forces us to draw philosophical parallels with platonic and peripatetic traditions of thought, and when we are trying to interpret patristic in terms of modern psychology, it is necessary to act extremely carefully so as not to obscure the original concept with meanings alien to it.

The report presents the perspective of considering the “personal” problem of theology as a kind of intersection point of platonic dialectics of a different and identical, philosophical term “hypostasis” introduced into the theological context and modern psychological connotations of the concept of “personality”. It is proposed to consistently consider those aspects of the dialectical relationship of the identical and the different that are characteristic of the theological understanding of both the existence of the Trinity and the existence of the created world, to identify the specific meaning of the theological terms “hypostasis” and “essence”, traditionally used to describe these relationships (using the example of the theology of the Cappadocian fathers and Dionysius the Areopagite), to show what meanings actualizes the introduction of “personality” as a theological category in our perception of the Trinity, how these meanings modify our vision of theology, and what remains unchanged at the same time. The connection of the concepts “being”, “personality”, “essence”, “individuality”, “energy” in modern theology is separately thematized. It reveals how the “personality” with all the possible variety of associations and meanings of this concept appears in a new light through understanding it in the direction of apophatic theology. Special attention is paid to the theology of metropolitan I. Zizioulas and H. Yannaras.

Пантелеев Алексей Дмитриевич / Aleksey D. Panteleev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. историч. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in History

Поникаровская Марина Владимировна / Marina V. Ponikarovskaya

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ученый секретарь, канд. историч. наук / St. Petersburg branch of the RAS Archive, Scientific Secretary, CSc in History

Греческая атлетика в Малой Азии и Египте римского времени (II–III вв.)

Игры в эллинистическое и римское время демонстрируют как преемственность с предшествующим временем, так и новшества. Ведущую роль сохранили древние Олимпийские, Истмийские, Немейские и Дельфийские состязания, а кроме того, реформировались старинные местные агоны, ранее предназначенные только для жителей определенного города или области, и учреждались новые. Они сформировали единую систему агонов, обладавшим разным уровнем престижа: высшую категорию образовывали панэллинские «священные игры с венками», менее значимыми считались «игры с призами». Большое значение в проведении этих праздников имели профессиональные объединения атлетов Геракла (спортсменов). Греческие праздники были центральным элементом в жизни городов и в межполисных отношениях. При помощи игр поддерживалась и сохранялась

эллинистическая идентичность, они демонстрировали власть и богатство местных аристократов, часто выступавших организаторами этих состязаний. Влияние агоний чувствуется во всех сферах жизни полиса: в политике, архитектуре, памятных надписях и статуях, в общем ритме жизни. Эти игры были связаны с императорским культом, таким образом доказывая лояльность местного населения Риму. Эти зрелища приносили выгоды не только организаторам, но и участникам. Атлеты, одержавшие победу в «играх с венками», могли претендовать на свободу от налогов и литургий и ежемесячную выплату в городах, которые они представляли на состязаниях. Порядок получения этих льгот и способы их реализации были предметом постоянных споров между городами и союзами актеров и атлетов, и арбитром в этих спорах выступали римские императоры или наместники. Во II в. стабильность положения империи позволяла им проявлять умеренность в этих вопросах, но последующие потрясения привели к большим уступкам в пользу актеров. Города пытались при помощи бюрократических процедур затруднить получение этих льгот, но особого успеха эти меры не имели. Понадобилось новое укрепление центральной власти в эпоху домината, чтобы упорядочить ситуацию и ограничить круг претендентов на привилегии.

Greek Athletics in Asia Minor and Egypt of the Roman period (2nd–3d centuries AD)

Games in the Hellenistic and Roman periods demonstrate both continuity with the preceding time and innovations. The Olympic, Isthmian, Nemean and Delphic Games retained their important role, and in addition, the old local agones, previously intended only for residents of a certain city or region, were reformed and some new ones were established. They formed a unified system of competitions with different level of prestige: the highest category was formed by pan-Hellenic “sacred games with wreaths”, the so-called “games with prizes” were considered less significant. Since the Hellenistic era, professional associations of the “Athletes devoted to Heracles” (sportsmen) were very important in holding these festivals. Greek festivals were a central element in the life of cities-states and in relations among different poleis. With the help of the games, the Hellenic identity was maintained and preserved. The games demonstrated the power and wealth of local aristocrats, who often acted as organizers of these competitions. The influence of the agones was felt in all spheres of life of a polis: in its politics, architecture, commemorative inscriptions and statues, in the general rhythm of life. These games were associated with the imperial cult, thus proving the loyalty of the local population to Rome.

Those, who won the games, included in the special list of “sacred games with wreaths”, could claim monthly payment and freedom from taxes and liturgies in the cities, which they represented at the competitions. The procedure for obtaining these benefits and ways of their implement were the subject of constant disputes between cities and unions of actors and athletes, and the Roman emperors or governors acted as arbiters in these disputes. In the 2nd century AD the stability of the empire allowed actors to be moderate in these matters, but subsequent upheavals led to large concessions in favor of them. The cities tried to use bureaucratic procedures to make obtaining of these benefits more difficult, but these measures did not have much success. It took a new strengthening of the central government in the Dominate era to streamline the situation and limit the circle of applicants for privileges.

Миролюбов Иван Андреевич / Ivan A. Mirolyubov

Московский государственный объединенный музей-заповедник, канд. историч. наук / Moscow State Integrated Museu-Reserve, CSc in History

Novator et turbator: осмысление фигуры императора Константина Великого в сочинениях IV–VI вв.

Константин Великий (правил в 306–337 гг.), будучи первым христианским императором древнего Рима и основателем второго, прочно вошел в число объектов подражания среди византийских, европейских и российских монархов. Обстоятельства его биографии хорошо известны, так как эпоха Константина отмечена изданием ряда его биографий. Культ императора укрепляется в правление его сыновей (337–361 гг.), но при его племяннике, язычнике Юлиане (361–363 гг.), был обозначен критический подход в оценке его личности. Это направление получило развитие в лице языческих интеллектуалов. Споры о личности Константина выходили за рамки дискуссий о его религиозном выборе. Языческие авторы, используя сложные моменты в биографии императора, старались создать негативный образ его правления в целом. Разнообразие оценок Константина было обусловлено

существованием разных мировоззренческих и языковых направлений в историографии (христиане, язычники и религиозно-индифферентные авторы, писавшие на греческом или латинском языках). Параллельно с дискуссиями в среде интеллектуалов, интерес к фигуре Константина был свойственен и широкому слою населения империи, входящей в фазу кризиса. Характерно, что само имя «Константин» становится благим знаком (и это отразилось на возвышении ряда императоров V в.), а сам Константин в массовом сознании трансформируется в могучего героя, способного повергать диких зверей и возводить грандиозные строения в несколько месяцев. Таким образом, в IV–VI вв. был сформирован многогранный образ Константина, и каждая его грань сохраняет свою актуальность для тех, кто обращается к политическому и мировоззренческому опыту этого императора.

Novator et turbator: disputes about Emperor Constantine the Great among the authors of the 4th-6th centuries

Constantine the Great (reigned 306–337 AD), being the first Christian emperor of ancient Rome and the founder of the Nova Roma (Constantinople), was among the objects of imitation among Byzantine, European and Russian monarchs. The circumstances of his biography are well known, since some of his biographies were published during his reign. The cult of the emperor is strengthened when his sons were emperors (337–361 AD), but under his nephew, the pagan Julian (361-363), a critical approach was identified in assessing his personality. That direction was developed by pagan intellectuals. The debate about Constantine went beyond discussions about his religious choice. Pagan authors, using difficult moments in his biography, tried to create a negative image of Constantine's reign as a whole. The diversity of Constantine's assessments was due to the existence of different ideological and linguistic trends in historiography (i.e., Christians, pagans, and religiously indifferent authors who wrote in Greek or Latin). In parallel with discussions among intellectuals, interest in the figure of Constantine was characteristic of the general population of the empire, which was entering a phase of crisis. It is worth saying that the very name "Constantine" becomes a good sign (and this was reflected in the rise of some emperors in the V century AD). Constantine himself in the mass consciousness is transformed into a powerful hero, capable of defeating wild animals and erecting grandiose buildings in a few months. Thus, a multifaceted image of Constantine was formed in the IV–VI centuries AD, and each of its facets retains its relevance for those who turn to the political and ideological experience of this emperor.

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич / Dmitry S. Kurdybaylo

Национального исследовательского института «Высшая школа экономики», Москва, научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Research Fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

О символах и символизме в экзегетических текстах Дидима Слепца: между Филоном и Оригеном⁹

Понятие «символ» (греч. σύμβολον) занимает одно из важнейших мест в традиции александрийской экзегетики, и его значение уточняется и развивается на пути от Филона к Оригену. Дидим Слепец -- выдающийся дидаскал Александрийского училища послеоригеновской эпохи, часто тяготеет более к методам и интерпретациям Филона, нежели Оригена. В данном исследовании мы проследим употребление понятия σύμβολον в экзегетических произведениях Дидима и покажем особенности его символизма в сравнении его предшественниками.

⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00214 (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта) <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00214 (Immanuel Kant Baltic Federal University) <https://rscf.ru/en/project/22-18-00214/>

On symbols and symbolism in the exegetical writings of Didymus the Blind: between Philo and Origen

Greek term “symbolon” (symbol) plays a significant role in the Alexandrian exegetical tradition, and its meaning and functions were refined from the times of Philo to that of Origen. Didymus the Blind was a prominent head of the Alexandrian didaskalion of the post-Origen period. Taking into account criticisms against Origen, Didymus often gravitates more to the methods and interpretations of Philo rather than to those of Origen. In this study, I am going to trace the usage and meaning of the term symbolon in the exegetical writings of Didymus and compare his symbolism with that of his predecessors.

Даниш Мирослав / Miroslav Danis

Университет Коменского в Братиславе, Братислава, Словакия, профессор, PhD in History / Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia, Associate Professor, PhD in History

860-й год: византийско-хазарский диалог в контексте миссионерской политической практики

В представленной статье рассматривается одна из форм внешнеполитических практик Византии в IX в., направленная на христианизаторскую миссионерскую деятельность в отношении как соседних, так и к отдаленным стран с целью обеспечения выгодной архитектуры международной коммуникации. Такой подход позволял Константинополю находить новых союзников, предотвращать возникновение опасных очагов военной угрозы, а также транслировать свою политическую идеологию, продвигая свои державные интересы в нехристианском мире. Уже с середины IX в. известна византийская миссия к арабам, на Крымский полуостров, к хазарам, болгарам, в Великую Моравию. Рассматриваемый пример христианизаторской миссии к хазарам в 860 г. представляет интерес для словацкой и центрально-европейской историографии ввиду последовавшей за ней миссии в Великую Моравию. Заметную роль в миссии к хазарам играли Фотий (впоследствии константинопольский патриарх Фотий I), Константин-Кирилл и Мефодий. Последние два еще до появления на территории Великой Моравии совершили миссионерское путешествие, помимо хазар, к арабам и на Крымский полуостров.

На основании анализа источников и их интерпретаций в широком историографическом контексте в статье раскрывается содержание и значение византийской миссии к хазарам как элемента международно-политической и идеологической деятельности Константинополя по продвижению своего влияния в нехристианском мире.

Year 860: the Byzantine-Khazar dialogue in the context of missionary political practice

This study deals with the issue of Byzantine political practice in the 9th century, which was carried out, among other forms in this period, mainly through missionary Christianization activities in relation to neighbouring but also to more distant countries in an attempt to create better international communication bridges. There were several reasons for this: to seek new alliances, to paralyze dangerous outbreaks of military threat to Byzantium and, above all, it was seen as a form of political ideology necessary for assert its own power interests in the world of the time. Especially from the middle of the 9th century onwards, missions to the Arabs, the Crimean peninsula, the Khazars, the Bulgars, and Great Moravia are well known. The above-mentioned Byzantine missionary practice in the 9th century is presented on the example of the Christianization mission to the Khazars in 860, which is also interesting for Slovak and Central European historiography in the context of the subsequent mission to Great Moravia. The representatives of these missionary journeys, among others, were Photios (later Patriarch of Constantinople) and Constantine and Methodius. Constantine and Methodius themselves had already made missionary journeys to the Arabs, the Crimean Peninsula and the Khazars by the time they arrived in Great Moravia.

The study is based on the analysis of contemporary sources and their interpretation in a broader historical context; it examines the missionary journey to the Khazars, its outcome and significance in the context of the Byzantine-Khazar dialogue in the 9th century, and its place in the Byzantine missionary practice that Byzantium employed in the realization of its foreign policy and diplomatic intentions.

Спиридонова Лидия Валентиновна / Lydia V. Spyridonova

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in History

Демонизация ислама в византийской агиографии: ключевые приёмы¹⁰

Экспансия арабов в Сирию, Египет и Ирак, в результате которой византийцы потеряли власть над своими восточными территориями, было стремительным и кровопролитным. Арабские завоевания были неразрывно связаны и с возникновением новой религии — ислама. Для христиан, живших на приграничных территориях, распространение ислама в восточных провинциях Римской империи в середине VII и VIII вв. означало постоянную угрозу их мирному существованию. Порождаемые в этой связи в византийской среде ненависть и иррациональный страх перед врагом неизбежным образом привели к его демонизации и обезчеловечиванию. Эти настроения не остались без внимания византийских писателей этого периода, в чьих сочинениях сформировался образ мусульман как диких зверей и нелюдей, в ряде случаев авторы их в буквальном смысле демонизировали, объявляя слугами сатаны. Стереотипное изображение народа и его лидера пророка Мухаммеда, как и бывает при формировании подобных социально-психологических мифологем, строилось на гиперболах: с одной стороны, враг представлялся многочисленным и коварным, а с другой — глупым и смешным, и самое главное, аморальным. Одним из ярких литературных примеров, иллюстрирующих этот архетипический принцип, является вставная новелла об агарянах, Мухаммеде и его законах, помещённая в Житие Космы и Иоанна Дамаскина ВHG 394.

The Demonisation of Islam in Byzantine Hagiography: Key Techniques

The Arab expansion into Syria, Egypt and Iraq was rapid and bloody, as a result of it the Byzantines lost power over their eastern territories. The Arab conquests were also inextricably linked to the emergence of a new religion, Islam. For the Christians who were living in the border territories, the spread of Islam meant a constant threat to their peaceful existence. The hatred and irrational fear of the enemy inevitably led to the demonisation and dehumanisation of the enemy by the Byzantines. These feelings were not ignored by Byzantine writers of this period, whose works formed an image of Muslims as wild beasts and subhumans, in some cases the authors literally demonised them, declaring them servants of Satan. The stereotypical image of the people and their leader Prophet Muhammad, as it happens in the formation of such sociopsychological mythologies, was based on hyperboles: on the one hand, the enemy was presented as numerous and insidious, and on the other hand, as stupid and ridiculous, and most importantly, immoral. One of the vivid literary examples illustrating this archetypal principle is the embedded story about the Hagarites, Muhammad and his laws, found in the Life of Cosmas and John Damascene ВHG 394.

Щукин Тимур Аркадьевич / Timur A. Shchukin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Research Fellow

Михаил Пселл и Максим Исповедник как толкователи Григория Богослова¹¹

Максима Исповедника и Михаила Пселла, мыслителей которых разделяет несколько сотен лет и которые очень различаются по своим богословско-философским установкам, объединяет то, что оба они составили пространные толкования на Григория Богослова. Естественный вопрос: в какой

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-012-41003 «Косма Маюмский: жизнь и творчество монаха-интеллектуала и гимнографа-новатора в раннеисламской Палестине». The reported study was funded by RFBR, project number 21-012-41003 “Cosmas of Maiouma: The Life and Work of an Intellectual Monk and Innovative Hymnographer in Early Islamic Palestine”.

¹¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01038 (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01038/> The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01038 (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/23-28-01038/>

степени Михаил Пселл в своих толкованиях опирался на труд преподобного Максима или, может быть, относился к нему критично? Анализ толкований Михаила Пселла показывает, что он чаще всего стремится к самостоятельности в толкованиях и в большинстве (хотя и не подавляющем большинстве) случаев стремится толковать те места из Григория Богослова, которые не разобраны у преподобного Максима. В тех случаях, когда он рассматривает то же самое место, он учитывает толкование Максима, но предлагает нечто оригинальное. И даже в тех случаях, когда он, как кажется, просто пересказывает текст Максима, он при ближайшем рассмотрении трансформирует толкование богослова VII века так, чтобы оно помещалось в прокрутово ложе его собственных богословских взглядов.

Michael Psellus and Maximus the Confessor as Interpreters of Gregory the Theologian

Maximus the Confessor and Michael Psellus, thinkers whose are separated by several hundred years and who differ greatly in their theological and philosophical attitudes, are united by the fact that both of them have compiled lengthy interpretations on Gregory the Theologian. The natural question is: to what extent did Michael Psellus rely on the work of Maximus in his interpretations, or, perhaps, was critical of him? An analysis of the interpretations of Michael Psellus shows, that he most often strives for independence in interpretations and in most (though it is not the overwhelming majority) of cases seeks to interpret those passages from Gregory the Theologian that are not analyzed by Maximus. In cases where he considers the same place, he takes into account the interpretation of the Maximus, but offers something original one. And even in those cases when he seems to be simply retelling the text of Maximus, he, upon closer examination, transforms the interpretation of the theologian of the seventh century so that it fits into the scroll bed of his own theological views.

Щербakov Михаил Иванович / Mikhail I. Shcherbakov

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, младший научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Junior Researcher

Обзор исследований комментариев и схолий к речам Григория Богослова¹²

В докладе рассматриваются проблемы взаимосвязей между схолиями к речам Григория Богослова (комментаторы, которые опираются на одно из самых ранних толкований Псевдо-Нонна VI в.), разнообразие традиции [Patzig], наличие неатрибутированных, анонимных схолий (Schol.Marc.70 сильно зависимые от Псевдо-Нонна и Scholia Alexandrina [Smith]). Сперва предполагалось наличие древнего комментированного списка речей Григорий [Sinko] или отдельного, пространного, комментария V века [Cantarella], из которого Псевдо-Нонн и александрийский схолиаст могли извлекать материал. Согласно [Piccolomini] существует зависимость Псевдо-Нонна от Scholia Alexandrina. Другие исследователи отстаивают противоположную зависимость [Sinko, Patzig]. В последующем выяснилось, что в Scholia Alexandrina были включены схолии на тексты Максима Исповедника [Bruckmayr]. Однако сам Bruckmayr склонялся к первоначальному, единому комментарию. Аргументация противников единого комментария основывается на незнании Псевдо-Нонном некоторых мест из Scholia Alexandrina, наличием парафразов, которые несвойственны Псевдо-Нонну [Lefherz].

Review of studies of commentaries and scholia on the Orations of Gregory Nazianzen

The report discusses the problems of interrelationships between scholia to the Orations of Gregory Nazianzen (commentators who rely on one of the earliest interpretations of Pseudo-Nonn in the 6th century), the diversity of the tradition [Patzig], and the presence of unattributed, anonymous scholia (Schol.Marc.70 heavily dependent on Pseudo-Nonn and Scholia Alexandrina [Smith]). It was first assumed that there was an ancient commented list of Gregory's Orations [Sinko] or a separate fifth-century commentary [Cantarella] from which Pseudo-Nonnus and the Alexandrian scholiast could have extracted

¹² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01038 (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01038/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01038 (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences) <https://rscf.ru/en/project/23-28-01038/>

material. According to [Piccolomini] there is a dependence of Pseudo-Nonnus on Scholia Alexandrina. Other researchers advocate the opposite dependence [Sinko, Patzig]. Subsequently, it turned out that Scholia Alexandrina included scholia on the texts of Maximus the Confessor [Bruckmayr]. However, Bruckmayr himself inclined to the original, unified commentary. The argumentation of the opponents of the unified commentary is based on Pseudo-Nonn's ignorance of some passages from Scholia Alexandrina, the presence of paraphrases that are not typical of Pseudo-Nonn [Lefherz].

Курбанов Андрей Викторович / Andrey V. Kurbanov

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in History

Греческая богослужебная поэзия VIII в. глазами византийцев XII в.: Феодор Продром и первый комментарий на каноны Космы Маюмского и Иоанна Дамаскина¹³

В XII в. появляются пространные комментарии к текстам греческой богослужебной традиции, что возможно связать с тем, что эти тексты стали изучаться в византийской школе. Сохранились подобные экзегетические труды у Иоанна Зонары, Григория Коринфского, Евстафия Фессалоникийского, самым же популярным стал составленный Феодором Продромом «Экзегесис» на каноны Космы и Иоанна Дамаскина (всего не менее 164 рукописей). Несмотря на распространённость, это произведение было только частично издано Г. Стивенсоном (первые шесть комментариев из семнадцати), а также совсем фрагментарно в PG 133, cols. 1229–1236. В целом, это сочинение отражает возникшие реальные сложности понимания и восприятия греками палестинской поэзии VIII в., которая составляла неотъемлемую часть богослужения того времени. Его структура соответствовала типичному учебнику: сначала давался оригинальный текст ирмоса или тропаря, затем приводилось его толкование, прояснялся богословский и буквальный смысл текста, который не всегда был очевиден, показывался библейский контекст произведения, а иногда и исторический (например, в каноне на Воздвижение Креста). Иногда выделялись апории и приводились их решения (что напоминает внешне более поздние греческие учебники, например, по логике). Помимо этого, Продром составил пояснение о гласах, а также осветил другие теоретические проблемы, но при этом он не сделал анализа ритмической структуры, что также весьма показательно.

Greek liturgical poetry of the 8th century through the eyes of the Byzantines of the 12th century: Theodore Prodromos and the first commentary on the canons of Cosmas of Maiouma and John Damascene

The appearance in the twelfth century of lengthy commentaries on the texts of the Greek liturgical tradition may be connected with the introduction of these texts into the Byzantine school. Such exegetical works were preserved by John Zonara, Gregory of Corinth, Eustathios of Thessalonica, and the most popular was the Exegesis on the canons of Cosmas and John Damascene by Theodore Prodromos (no less than 164 manuscripts). Despite its prevalence, this work was only partially published by G. Stevenson (the first six commentaries out of seventeen), and quite fragmentarily in PG 133, cols. 1229-1236. On the whole, this work reflects the real difficulties that arose in the understanding and appreciation of eighth-century Palestinian poetry, which formed an integral part of the worship of the time. Its structure corresponded to a typical textbook: first the author presents the original text of the irmos or troparion, then its interpretation, he clarifies the theological and literal meaning of the text, which was not always obvious, he shows the biblical context of the work, and sometimes the historical context (for example, for the canon for the Exaltation of the Cross). Sometimes he points the aporias and gives their solutions. In addition, Prodromos compiled an introduction to the eight Echos and also covered other theoretical problems, but he did not analyse the rhythmic structure, which is also very indicating.

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-012-41003 «Косма Маюмский: жизнь и творчество монаха-интеллектуала и гимнографа-новатора в раннеисламской Палестине». The reported study was funded by RFBR, project number 21-012-41003 “Cosmas of Maiouma: The Life and Work of an Intellectual Monk and Innovative Hymnographer in Early Islamic Palestine”.

Сенина Татьяна Анатольевна / Tatyana A. Senina

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Тема бессмертия души в философии Георгия Гемиста Плифона¹⁴

В докладе рассматриваются взгляды последнего крупного византийского философа Георгия Гемиста Плифона на бессмертие человеческой души. Ученые до сих пор спорят, был Плифон язычником, полностью отвергшим христианство, или христианином, слишком увлеченным платонизмом, в том числе в вопросе об участи души. Сравнительный анализ его сочинений показывает, что в учении о человеческой душе и ее посмертной участи Плифон далеко отошел от христианства. Он исповедовал предсуществование душ телам и постоянное перерождение, жизнь в теле считал главной миссией человека во вселенной в качестве соединительного элемента мира смертных и бессмертных; согласно Гемисту, периодическое соединение в человеке бессмертного и смертного (души и тела) лучше, чем бесконечное бессмертие после одной жизни, и его учение о душе не подразумевает ни обожения тела, ни телесного воскресения и страшного суда в конце времен. В монодиях Плифона нехристианские взгляды выражены завуалированно, однако в них отсутствуют традиционные для византийских авторов отсылки к христианским источникам, и внимательный анализ текста монодий в сопоставлении с другими сочинениями философа показывает, что его воззрения на участь души, с одной стороны, сильно отличались от учения церкви, а с другой — выглядели более оптимистично, оставляя душе возможность как для постепенного совершенствования в череде перерождений, так и для наслаждения божественной жизнью между ними при условии добродетельного поведения на земле.

The theme of the immortality of the soul in Plethon's philosophy

Abstract. Introduction. The article examines the views of the last major Byzantine philosopher George Gemistos Plethon on the immortality of the human soul. Scholars are still debating whether Plethon was a pagan who completely rejected Christianity, or a Christian who was too fond of Platonism, including the question of the fate of the soul. Methods. Methods employed in this article are source research, information analysis, comparative research. Sources on the subject include: Plethon's funeral orations on Kleopa Malatesta and on Helena Palaiologina, "Book of laws", commentaries on the Chaldean Oracles, "On the differences of Aristotle from Plato", "Summary of the doctrines of Zoroaster and Plato", "Address to the despot Theodore on the Peloponnese"; Theodore Metochites' treatise "On Education". Analysis. An analysis of Plethon's writings shows that in his doctrine of the human soul and its posthumous destiny Gemistos was far removed from Christianity. Plethon confessed the pre-existence of souls to bodies and metempsychosis, he considered life in body as the main human mission in universe, as a link and boundary between the mortal and immortal worlds. According to Plethon, permanent periodical connection of immortal and mortal (soul and body) in human is better, than endless immortality after one life. His doctrine about soul does not imply neither deification of body, nor bodily resurrection and terrible judgment at the end of time. Results. In Plethon's monodies, his non-Christian views are expressed in a veiled way, but a careful analysis of the text of the monodies in comparison with the other works of the philosopher shows that his views on the destiny of the soul, on the one hand, were very different from those of the Christian Church, and on the other hand, they looked more optimistic, leaving the soul the opportunity both for gradual improvement in a series of rebirths, and for enjoying the divine life between them, subject to virtuous behavior on earth.

¹⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI-XV веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01028 "George Gemistos Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th-15th centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>

Ульянов Олег Германович / Oleg G. Ulyanov

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Высшая школа культурологии, Москва, Россия, профессор, доктор историч. наук / Lomonosov Moscow State University, Higher School of Cultural Studies, Moscow, Russia, Professor, DSc in History

У истоков теории Москва - Третий Рим (византийские интеллектуалы при дворе Ивана III)

Одна из важнейших социальных трансформаций на Руси произошла в ходе государственных преобразований самодержца Ивана III, за которые он был удостоен современниками звания «нового царя Константина новому граду Константину – Москве» (извещение пасхалии 1492 г.). Новая идеологическая доктрина, утвержденная на московском Соборе 1492 г., рассматривается специалистами как предшественница политической теории «Москва – Третий Рим», которую принято связывать с именем старца Елеазаровой пустыни Филофея. Между тем, очевидно, что политическая концепция «От Рима к Третьему Риму» никак не могла возникнуть в среде низшего духовенства, а целиком и полностью как любая политическая теория обязана своим появлением правящей элите.

В последнее время историки всё чаще в своих работах поднимают вопрос о существовании при дворе Ивана III целой группы ученых греков, которые играли активную роль в политической жизни Московской Руси в конце XV в. Зарождение благодаря византийским эмигрантам идеологии сильной государственности прослеживается в целом ряде сочинений, прежде всего, в «Послании восточных патриархов императору Феofilу», а также в знаменитом «Послании на Угру», где заметно влияние идей кардинала Виссариона Никейского.

В этой связи автором было предпринято скрупулезное изучение эпистолярного наследия кардинала Виссариона Никейского, где удалось обнаружить явную перекличку с программой социальных нововведений Ивана III в русле перехода к «Третьему Риму».

The origins of the concept 'Moscow-Third Rome' (Byzantine intellectuals at the court of Ivan III)

One of the most important social transformations in Rus occurred during the state reforms of the autocrat Ivan III, for which he was awarded by his contemporaries the title of "the new Tsar Constantine to the new city of Constantine - Moscow" (Paschal announcement of 1492). The new ideological doctrine, approved at the Moscow Council of 1492, is considered by experts as the predecessor of the political theory "Moscow - the Third Rome," which is usually associated with the name of the Elder of the Eleazar Hermitage, Philotheus. Meanwhile, it is obvious that the political concept "From Rome to the Third Rome" could not have arisen among the lower clergy, but entirely and completely, like any political theory, owes its appearance to the ruling elite.

Recently, historians have increasingly raised the question in their works about the existence at the court of Ivan III of a whole group of Greek scientists who played an active role in the political life of Muscovite Rus' at the end of the 15th century. The emergence, thanks to Byzantine emigrants, of the ideology of strong statehood can be traced in a number of works, primarily in the "Message of the Eastern Patriarchs to Emperor Theophilus," as well as in the famous "Message to the Ugra," where the influence of the ideas of Cardinal Vissarion of Nicaea is noticeable.

In this regard, the author undertook a scrupulous study of the epistolary heritage of Cardinal Vissarion of Nicaea, where he was able to discover a clear overlap with the program of social innovations of Ivan III in line with the transition to the "Third Rome".

Тоноян Лариса Грачиловна / Larisa G. Tonoyan

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, Associate Professor, Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg, Russia, Researcher, CSc in Philosophy

Логические исследования князя Андрея Курбского

Князь Андрей Курбский известен как неоднозначная историческая личность. Находясь в оппозиции к власти Иоанна Грозного и сбежав в Литовское княжество, он пытался, как можно предположить,

компенсировать свой отрыв от родины защитой русского православия и переводами святоотеческих трудов. Специально для этого он изучил латинский язык. В связи с работой над переводами была издана первая печатная книга по логике на старорусском языке, вышедшая в 1586 г.: «От другие диалектики Иона Спанинбергера о силлогизме вытолковано». Этот перевод князь сопровождал несколькими своими краткими послесловиями, в том числе отдельным «Сказанием о древе Порфирия» с рисунком дерева и его разбором. Также он перевел с латинского «Диалектику» св. Иоанна Дамаскина, которая до этого имелась в переводах с греческого языка. Будучи знакомым со св. Максимом Греком, князь Курбский был носителем византийского богословия. Своими трудами по переводу логики Аристотеля князь Курбский пытался дать православным христианам логический инструмент для полемики с набиравшим силу униатством. В докладе будут рассмотрены те разделы логики, которые успел осветить князь Андрей Курбский.

Logical studies of Prince Andrei Kurbsky

Prince Andrei Kurbsky is known as a controversial historical figure. Being in opposition to the power of Ivan the Terrible and having fled to the Principality of Lithuania, he tried, as one might assume, to compensate for his action by defending Russian Orthodoxy and translating patristic works. Especially for this purpose he studied Latin. In connection with the work on translations, the first printed book on logic in the Old Russian language was published in 1586: "From other dialectics of Ion Spannenberger about silogism interpreted." The prince accompanied this translation with several of his short afterwords, including a separate "Tale of the Tree of Porphyry" with a drawing of the tree and its analysis. He also translated from Latin "The Dialectics" of St. John of Damascus, which had previously been translated from Greek. Being familiar with St. Maxim the Greek, Prince Kurbsky was the bearer of Byzantine theology. With his works on translating Aristotle's logic, Prince Kurbsky tried to give the Orthodox Christians a logical tool for polemics with the growing Uniatism. The report will examine those sections of logic that Prince Andrei Kurbsky managed to cover.

Круглый стол

Византийский Ренессанс XI – XV вв.: богословие, философия, политика¹⁵

Щукин Тимур Аркадьевич / Timur A. Shchukin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Research Fellow

«Единица, от начала подвигшаяся в двойственность»: формула Григория Богослова в интерпретации византийских богословов XI-XII веков¹⁶

В докладе рассматривается ряд толкований на знаменитую формулу Григория Богослова из его 3-го слова о богословии (orat. 29) «Единица, от начала подвигшаяся в двойственность, остановилась на троичности», составленных богословам и философам XI-XII веков. Эти мыслители принадлежали к

¹⁵ Круглый стол проводится в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The round table is held within the framework of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 "The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

¹⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI-XV веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01028 "George Gemistus Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th-15th centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>

интеллектуальным течениям, которые в нынешней научной традиции принято называть «монашеской» (Никита Стифат, Николай Мефонский, Иаков Монах) и «придворной» (Михаил Пселл, Иоанн Итал, Андроник Каматир) партиям. Их толкования на «священный» для обоих течений текст Григория Богослова созданы в разных богословско-полюемических контекстах, но все они отражают ключевое для данного течения умонастроение, выражающееся прежде всего в том, в каком отношении к «движущейся» Единице находится ее созерцатель.

“The Monad having from the beginning moved into the dyad”: the formula by Gregory the Theologian in the interpretation of Byzantine theologians of the 11-12th centuries

The report examines a number of interpretations of the famous formula by Gregory the Theologian from his Third word On theology (orat. 29) “The Monad having from the beginning moved into the dyad stopped in the Triad”, compiled by theologians and philosophers of the 11-12th centuries. These thinkers belonged to intellectual movements, which in the current scientific tradition are commonly called «monastic» (Niketas Stethatos, Nikolai Mephonsky, Jacob Monk) and «court» (Michael Psellus, John Italos, Andronikos Kamateros) parties. Their interpretations of the text of Gregory the Theologian, which is “sacred” for both streams, were created in different theological and polemical contexts, but they all reflect the mindset that is key for this stream, expressed primarily in the attitude in which its contemplator is to the «moving» Monad.

Варламова Мария Николаевна / Maria N. Varlamova

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Материя как ничто: представление о материи у Иоанна Итала¹⁷

В докладе я разбираю понятие материи - как первой материи, так и физической материи мира, то есть элементов - в византийской философии XI века, а именно, в произведениях Иоанна Итала. В особенности мне интересно то, как трактуется понятие материи в связи с представлением о Творении и конечности мира. В статье я прослеживаю связь между философией XI века и позднеантичными дискуссиями о материи, в особенности я акцентирую внимание на аргументах Филопона против вечности мира и его определении материи как трехмерной протяженности, и на разборе Симпликия, который связывал материю и телесность. Однако для меня важно показать не только зависимость византийских философов от Филопона и Симпликия, но и их самостоятельность в определении философских терминов. Интеллектуальный горизонт, в котором мыслит Иоанн Итал, отличается от горизонта позднеантичной философии, что меняет его подход к обсуждению физических понятий.

Matter as nothing: the idea of matter in John Italus

In the report I discuss the concept of matter – both the first matter and the physical matter of the world, that is, elements – in Byzantine philosophy of the 11th century, namely, in the works of John Italos. In particular, I am interested in how the concept of matter is interpreted in connection with the idea of Creation and the finiteness of the world. I trace the connection between the philosophy of the 11th century and the late ancient discussions about matter. I focus on Philoponus’ arguments against the eternity of the world and his definition of matter as a three-dimensional extension as well as on the Simplicius’ analysis of matter as a principle of corporality. However, it is important for me to show not only the dependence of the Byzantine philosophers on Philoponus and Simplicius, but also their autonomy in defining philosophical

¹⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

terms. The intellectual horizon of John Italos' thought, which influences his approach to the discussion of physical concepts, differs from the horizon of late ancient philosophy.

Черноглазов Дмитрий Александрович / Dmitrii A. Chernoglazov

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ведущий научный сотрудник, доктор филол. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, Leading Researcher, DSc in Philology

«Философия намного уступает риторике»: соотношение двух дисциплин по мысли византийского ученого XII в.¹⁸

Проблема соотношения философии и риторики, широко обсуждавшаяся в эпоху поздней античности, вновь обретает актуальность в Византии XI – XII вв. В настоящем докладе делается попытка выяснить, какую позицию по этому вопросу занимал Михаил Италик († до 1157 г.), ученый, ритор и философ-неоплатоник. В науке отмечалось, что в двух своих письмах Италик формулирует две противоположные точки зрения: в одном он утверждает, что философия бесполезна и уступает риторике, а в другом возвеличивает философию, способную не только исследовать отвлеченные предметы, но и заботиться о человеческом благе. В докладе анализируются эти и другие тексты, в которых Италик рассуждает о философии и риторике. Демонстрируется, что, как и Михаил Пселл, Италик присуждал первенство философии, но высоко ценил и красноречие. Идеал Михаила Италика, как и других авторов той эпохи – синтез философской мысли и риторического изящества. Этой позиции противоречит лишь одно небольшое сочинение Италика, где он утверждает превосходство риторики над философией. Этот текст, совершенно необычный в контексте позднеантичной и византийской традиции – вероятно, образец риторической игры, не отражающей взгляды автора.

“Philosophy is much inferior to rhetoric”: relationship between the two disciplines according to a Byzantine intellectual of the 12th century

The problem of the correlation between philosophy and rhetoric, which was widely discussed in the late antiquity, regains its relevance in Byzantium in the 11th–12th centuries. This paper attempts to find out what position on this issue was held by Michael Italikos († before 1157), a scholar, rhetorician, and Neoplatonist philosopher. It has been noted in scholarship that in two of his letters Italikos formulates two opposing views: in one he argues that philosophy is useless and inferior to rhetoric, and in the other he exalts philosophy as capable not only of reasoning about abstract subjects but also of caring for the human good. The paper analyzes these and other texts in which Italikos argues about philosophy and rhetoric. It is demonstrated that, like Michael Psellos, Italikos awarded primacy to philosophy, but also highly valued eloquence. The ideal of Michael Italikos, as well as of other authors of that epoch is the synthesis of philosophical thought and rhetorical elegance. This position is contradicted by only one small work by Italikos, where he asserts the superiority of rhetoric over philosophy. This text, quite unusual in the context of the late antique and Byzantine tradition, is probably an example of rhetorical play that does not reflect the author's views.

Спиридонова Лидия Валентиновна / Lydia V. Spyridonova

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in History

¹⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

Курбанов Андрей Викторович / Andrey V. Kurbanov

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. историч. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in History

Философский комментарий Феодора Продрома на Луку 1:17¹⁹

Комментарий на Луку 1:17 является одной из немногих богословских работ Феодора Продрома, он посвящён всего одной фразе из длинной речи архангела Гавриила, обращённой к Захарии и предвещающей у него рождение сына — Иоанна Предтечи («и предыдет пред Ним в духе и силе Илии» / καὶ αὐτὸς προελεύσεται ἐνώπιον αὐτοῦ ἐν πνεύματι καὶ δυνάμει Ἡλίου). Типичный прозаический ритм произведения, характерный стиль, в особенности его риторического проэмия, а также метод анализа текста автором не оставляют сомнений в его подлинности. Как сообщает сам Продром, к нему как «философу», обратился за толкованием непонятого стиха из Евангелия некий его друг, которого он называет «мудрейший назорей (ναζιραῖος)», и который был, по всей видимости, учёным монахом из его ближайшего окружения. Продром, подчёркивая своё сугубо мирское положение и не опираясь на предыдущую традицию, представляет свой оригинальный «философский» комментарий евангельских слов, основываясь, прежде всего, на филологическом инструментарии: он даёт существующие смыслы каждого слова в греческом языке и уточняет их возможный смысл в контексте всей фразы, что выявило ошибочность в понимании этого места у других писателей. Вместе с этим он приводит и свой комментарий библейских событий, подробным образом сравнивая образ жизни Иоанна Предтечи и пророка Илии и объясняя сходство их даров св. Духа (χάρισμα).

Theodore Prodromos' Philosophical Commentary on Luke 1:17

The commentary on Luke 1: 17 is one of the few Theodore Prodromos' theological works, it deals with just one phrase from a long discourse of the archangel Gabriel, addressed to Zacharias and heralding the birth of his son, John the Baptist ("And he shall go before him in the spirit and power of Elias" / καὶ αὐτὸς προελεύσεται ἐνώπιον αὐτοῦ ἐν πνεύματι καὶ δυνάμει Ἡλίου). The typical prose rhythm of the work, the characteristic style, especially its rhetorical proemium, and the features of author's method leaves no doubt as to its authenticity. As Prodromos himself said, he was asked to clarify this obscure verse by a friend of his, whom he calls "the wisest Nazorean (ναζιραῖος)," and who was apparently a learned monk in his immediate circle. Prodromos, who called himself "philosopher", presents his original "philosophical" commentary on the Gospel words, based primarily on philological tools: he gives the existing meanings of each word in Greek and clarifies their possible meaning in the context of the whole phrase, which revealed the erroneous understanding of this place in other writers. At the same time, he provides his own commentary on biblical events, comparing in detail the lifestyle of John the Baptist and the prophet Elijah and explaining the similarity of their gifts of the Holy Spirit (χάρισμα).

Макаров Дмитрий Игоревич / Dmitry I. Makarov

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ведущий научный сотрудник, доктор филол. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, Leading Researcher, DSc in Philology

¹⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 "The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

О гибридном антично-христианском оправдании политики у Феодора Метохита²⁰

Будучи активно вовлеченным во внешнюю и внутреннюю политику Андроника II Палеолога, Феодор Метохит активно размышлял над феноменом политического как такового. Согласно мыслителю, христианское совершенство достижимо как в монашестве, так и в ходе осуществления брачной жизни. А поскольку государство подспудно мыслилось им как большая семья, постольку мысль о христианской политике и о возможности достижения совершенства в ее проведении также звучит у Феодора. Правители как мудрецы, достигшие видения света Единого, могут и должны грамотно и богобоязненно управлять народом, беря пример с геометров и инженеров, которые воплощают в материале открывшиеся им в созерцании идеи. В специальной 77-й главе «Памятных заметок» Феодор доказывает в соответствии с Мф. 5:9, что первейшей задачей политика должно являться попечение о мире. Это звучит более чем актуально в любой исторической ситуации. Тем и ценен Метохит: общую метатеорию он дополняет конкретными идеями, реализуемыми на исторической практике.

On a hybrid antique and Christian justification of politics in Theodore Metochites

Being an active player in the foreign and home policy of Andronicus II Palaeologos, Theodore Metochites intensely considered the phenomenon of political as such. According to him, Christian perfection was attainable both in monasticism and in marriage. Therefore, inasmuch as the State was implicitly thought by him as a large family, we see Metochites plunged into considerations on Christian politics being realizable in Byzantium. As the wise men who had already gone through the vision of the light of the One, the rulers could and should competently and with awe govern the people subjected to them, thus following suit of the geometres and engineers who reify in the rough matter those ideas which had been made open to them in the contemplation. In the special 77th chapter of his Sententious Notes Metochites tried to prove, following Mt. 5:9, that the major task for any politician must be the pursuit of peace. In any concrete historical situation this is more than worthwhile. And this is what gives worthiness to Metochites himself, as he adds up a lot of concrete and historically realizable ideas to his basic and general metatheory.

Семиколенных Мария Владимировна / Maria V. Semikolennykh

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. культурологии / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Cultural Studies

Вопрос о единстве и троиственности божества в контексте полемики аристотеликов и платоников середины XV века²¹

В середине XV века, на фоне интенсификации общения византийцев с латинянами, попыток примирения церквей (Флорентийская уния 1439 года) и взаимного обогащения интеллектуальных традиций, вновь приобрели остроту споры вокруг учения о триедином Боге. Так, обсуждение тринитарного догмата составило один из важных сюжетов дискуссии между греческими

²⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

²¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

интеллектуалами, обсуждавшими преимущества аристотелевской и платоновской философии: и Георгий Гемист Плифон, и Георгий Трапезундский, и Виссарион Никейский задаются вопросом, насколько близки Платон и/или Аристотель были к постижению этой тайны — или насколько они были от этого далеки.

В докладе пойдёт речь о том, как именно, с какой целью и в каком виде в полемику платоников и аристотеликов (прежде всего, между Георгием Трапезундским и Виссарионом Никейским) вводились аргументы, связанные с тринитарным догматом; каково было содержание этих аргументов и на суждения каких авторитетов опирались их составители; как именно они анализировались и опровергались.

The problem of the Holy Trinity in the context of the Plato-Aristotle Controversy of the XV century

In the middle of the XV century, when communication between the Byzantines and the Latins intensified against the background of the negotiations to reconcile churches (at the Council of Florence of 1439) and the mutual enrichment of intellectual traditions, the trinitarian debates became acute again. Thus, the discussion of the Holy Trinity constituted one of the important subjects of the debates between Greek intellectuals who examined the advantages and disadvantages of Aristotelian and Platonic philosophy: Georgios Gemistos Plethon, George of Trebizond, and Bessarion wondered how close Plato and/or Aristotle were to comprehension of this mystery — or how far they were from it.

The presentation will deal with some arguments concerning the Trinitarian dogma involved in the polemics between the Platonists and Aristotelians (primarily George of Trebizond and Bessarion): their actual content, form, and goals; their philosophical context and background; and the exact way of their analysis and refutation by the opponents.

Сенина Татьяна Анатольевна / Tatyana A. Senina

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Воззрения Георгия Гемиста Плифона на ислам в контексте турецкой угрозы существованию Византии²²

В докладе рассматриваются взгляды последнего крупного византийского философа Георгия Гемиста Плифона на ислам — религию турок, главных противников Византии в конце ее истории. В отличие от большинства поздневизантийских интеллектуалов, Плифон не смотрел на ислам как на безусловное зло и варварство — напротив, он видел причину военных успехов турок в преимуществах их законодательства и государственного управления и призывал к скорейшим реформам в этой области, которые могли бы спасти империю от катастрофы. Такая оценка сближала философа с простыми византийцами, которые тоже видели в турецкой администрации больше порядка и массово переходили в ислам, отказываясь от сопротивления завоевателям. По-видимому, на важное в философско-богословской системе Плифона учение о неотвратимой судьбе, предопределенном будущем и неразрушимой цепи причин и следствий оказали определенное влияние не только стоические концепции, но и исламское учение о предопределении, имеющее немало параллелей со взглядами Гемиста. Тогда как другие поздневизантийские авторы видели в победах мусульман кару за грехи византийцев против христианской религии, Плифон считал, что самый тяжкий грех, из-за которого византийцы терпят поражение на войне, это неверие в божественный промысл (а по сути — в неотвратимую судьбу), вере в который им следовало бы поучиться у мусульман.

²² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

George Hemistos Plethon's views on Islam in the context of the Turkish threat to the existence of Byzantium

The report examines the views of the last major Byzantine philosopher George Gemistos Plethon on Islam, the religion of the Turks, the main adversaries of Byzantium at the end of its history. Unlike most of his contemporary Byzantine intellectuals, Plethon did not look at Islam as an absolute evil and barbarism — on the contrary, he saw the reason for the military successes of the Turks in the advantages of their legislation and state administration, and he called for the earliest reforms in this area that could save the Empire from disasters. Such an assessment brought the philosopher closer to ordinary Byzantines, who also saw more order in the Turkish administration and massively converted to Islam, refusing to resist the conquerors. Apparently, the doctrine of inevitable fate, a predetermined future, and an indestructible chain of causes and effects, important in the philosophical and theological system of Plethon, was influenced not only by Stoic concepts, but also by the Islamic doctrine of predestination, which has many parallels with the views of Gemistos. While other late Byzantine authors saw in the Muslim victories a punishment for the sins of the Byzantines against the Christian religion, Plethon believed that the most serious sin, because of which the Byzantines were defeated in war, was disbelief in divine providence (and, in fact, in an inevitable fate), faith in which they should learn from the Muslims.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Philosophy

Философия Георгия Гемиста Плифона и традиция неоплатонического комментария: критика аристотелевской концепции категории отношения²³

В докладе рассматривается один из аргументов Георгия Гемиста Плифона против Аристотеля, который он приводит в своем трактате «О том, чем различаются Платон и Аристотель». Этот аргумент касается критики Плифоном с платонических позиций понимания Аристотелем категории отношения, точнее исключения Аристотелем случая отношения чувственно воспринимаемого и чувствующего из принципа необходимой совместности соотносимого под категорией «соотнесенного». Аргумент Плифона против допустимости такого исключения подтверждает его доказательство синонимичности познаваемого порядка мира, т.е. тот факт, что сущее сказывается однозначно, а не омонимично, как полагает Аристотель. Последний исходит из того, что всякое единичное сущее, обладающее чувственным восприятием, ощущает чувственно воспринимаемое с момента рождения и до своего уничтожения, поскольку, например, животное и его чувственное восприятие появляются вместе. Соответственно, «с уничтожением воспринимаемого чувствами уничтожается и чувственное восприятие, между тем как чувственное восприятие не устраняет вместе с собой воспринимаемое чувствами» (Категории, 7, 7b37–38), т. е. чувственное восприятие возникает вместе с возникновением чувственно воспринимающего, а чувственно воспринимаемое существует и до самого чувственно воспринимающего.

Непосредственно критика Плифоном исходит из положения Платона о том, что Вселенная есть единое сотворенное вечное живое существо (Тимей, 69c), некое целое частей (общего и частного), в котором одно сущее бессмертно по большому совершенству, т. е. существует всегда, а другое бессмертно в меру совершенства смертного в порядке постоянного порождения себе подобного (Пир, 207c–d). В этом иерархическом целом принцип совместного существования соотнесенного для Плифона, в отличие от Аристотеля, не имеет исключений ни по бытию в действительности, ни по бытию в возможности, и действует как основное определение целого: целое есть целое частей и оно

²³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 “The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

как соотношение частей больше своих частей, и, соответственно, общее в реальном порядке существования целого больше, или совершеннее, частного. В этом смысле Плифон показывает, что взгляд с точки зрения целого (однозначности понятия сущего) делает невозможной ситуацию отсутствия чувственного восприятия как такового. Согласно логике Плифона, если изъять из плана построения универсума, сообразного умпостигаемому образцу, чувственное восприятие, т.е. ощущающие живые существа, то нет никакого смысла говорить о возможности чувственно воспринимаемого. Но если такая возможность есть, то лишь в силу возможности чувственного восприятия будет иметь смысл и чувственно воспринимаемое, как более низшее по отношению к высшему, т. е. тело по отношению к животному, в иерархической структуре универсума.

Аргументация Плифона и Аристотеля в докладе рассматривается в контексте понятий единства и многозначности сущего, а также исходя из специфики понимания Плифоном соотношения понятий возможности и действительности, божественного Первоначала и принципа творения универсума. Отдельно проясняется проблема другого, сделанного Аристотелем, исключения из принципа необходимой совместности соотносимого под категорией «соотнесенного», а именно, знания и познаваемого.

The philosophy of George Gemistus Plitho and the tradition of Neoplatonic commentary: criticism of the Aristotelian concept of the category of relation

In the paper, one of Georgius Gemistus Pletho's arguments against Aristotle is considered which he puts forward in his treatise "Wherein Aristotle disagrees with Plato" ("De Differentiis"). This argument concerns the Pletho's Platonic-based criticism of Aristotle's interpretation of the category of relation, or, more precisely, his exclusion of the case of relation between perceptible and perceptive from the principle of necessary conformity of what is brought into correlation under the category of "correlated". The argument of Pletho against permissibility of such exclusion supports his proving of synonymy of cognizable world order, that is, the fact that the being is predicated synonymously, not homonymously as by Aristotle. The latter proceeds from that any perceptive singular being perceives the perceptible from the moment of birth till its own termination, for, e. g., an animal and its perception emerge together. Accordingly, "along with the termination of perceptible, perception is also terminated, whereas perception does not remove perceptible together with itself" (Cat. 7, 7b37–38), which means that perception emerges together with the emergence of perceptive, while perceptible exist before the very perceptive.

The Pletho's criticism immediately originates from the thesis of Plato that the Universe is a unique created eternal living being (Tim. 69c), a certain whole of parts (common and particular), where one being is immortal over greater perfection, that is, exists eternally, while the other is immortal to the extent of perfection of mortal in the order of constantly generating similar to itself (Conv. 207c–d). In this hierarchical whole, for Pletho, as distinct from Aristotle, the principle of co-existence has no exceptions neither by being in actuality nor by being in potentiality, and it functions as a basic definition of whole: the whole is the whole of parts, and, as a correlation of parts exceeds its parts. Accordingly, the common in the real order of existence of the whole is greater, or more perfect, than the particular. As Pletho demonstrates, in this sense the view from the standpoint of the whole (synonymy of the notion of being) makes impossible the situation of lack of perception as it is. By Pletho's logic, once the perception, sc. perceptive living beings, is subtracted from the constructive plan of an universe corresponding with an intelligible specimen, it is absolutely futile to speak of any possibility of perceptible. But once there is such a possibility, the perceptible, as lower to the superior, that is, a body relating to an animal, would take sense only through the possibility of perception in the hierarchical structure of the universe.

In the paper, the argumentation of Pletho and Aristotle is reviewed in the context of notions of unity and multivalence of being and also out of the specificity of Pletho's understanding of correlation of notions of possibility and actuality, divine First beginning and principle of creation of universe. Also the problem of another Aristotle's exception from the principle of necessary conformity of what is brought into correlation under the category of "correlated", namely cognition and cognizable, is separately clarified.

Старикова Арина Олеговна / Arina O. Starikova

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, младший научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Junior Researcher

Понятия ἡ φύσις и τὰ κοσμικὰ ἀγαθὰ в сочинении Георгия Схолария «Против апорий Плифона на Аристотеля»²⁴

В докладе обсуждается вступление трактата Георгия Схолария «Против апорий Плифона на Аристотеля», а именно – пассаж о божественности учения Аристотеля (θεῖόν τι). Схоларий, в противовес Плифону, приводит мнение о том, что учение Аристотеля принесла природа (ἡ φύσις), подобно другим благам мироздания (τὰ κοσμικὰ ἀγαθὰ). В выражение τὰ κοσμικὰ ἀγαθὰ авторами вкладывается различный смысл. Оно встречается у Климента Александрийского в «Строматах» в значении «мирские, земные блага» (ἐπὶ τὰ κοσμικὰ παλινδρομεῖν ἀγαθὰ τῷ τὸ «ἀπρόσιτον» ἀπειληφότι «φῶς» - 6, 9, 75, 2), а также у Филопона в значении «благо мироздания» (ἐξομοιωθεῖσαν θεῶ καὶ τὸ κοσμικὸν ἐπισκοποῦσαν ἀγαθόν – о душе, Comment. in Arist. Cat. 13.1, 53, 3). Употребление выражения у Схолария, по-видимому, ближе к Филопону. Что касается понятия природы, то у Схолария оно весьма отличается от аристотелевского понимания, ведь, согласно «Физике», к природе относится земля, вода, огонь, воздух, растения и животные, а сотворенное человеком есть произведение искусства (2, 1). То есть, возводя учение Аристотеля на уровень божественного, Схоларий противоречит самому Аристотелю, но подхватывает идеи о божественности природы (ср. Августин, «О граде Божием», 12, 25; Симпликий, «Комментарий к «Физике» Аристотеля», 1, 1).

Terms ἡ φύσις and τὰ κοσμικὰ ἀγαθὰ in Georgius Scholarius' treatise "Against Plethon's paradoxes on Aristotle"

The report discusses the entry of Georgius Scholarius' treatise "Against Plethon's paradoxes on Aristotle", in particular a passage on divinity of Aristotle's doctrine (θεῖόν τι). Scholarius, in contrast to Plethon, refers to a suggestion that Aristotle's doctrine was brought by nature (ἡ φύσις), as other universal goods (τὰ κοσμικὰ ἀγαθὰ). This expression is understood differently. In Stromata by Clement of Alexandria it means earthly goods (ἐπὶ τὰ κοσμικὰ παλινδρομεῖν ἀγαθὰ τῷ τὸ «ἀπρόσιτον» ἀπειληφότι «φῶς» – 6, 9, 75, 2). Philoponus uses this term in the meaning "good of the universe" (ἐξομοιωθεῖσαν θεῶ καὶ τὸ κοσμικὸν ἐπισκοποῦσαν ἀγαθόν – about a soul, Comment. in Arist. Cat. 13.1, 53, 3). Scholarius' expression seems to be closer to Philoponus. As regards the term "nature", Scholarius comprehends it not like Aristotle. According to "Physics", ground, water, fire, air, plants and animals relate to the nature, and something created by man is a piece of art (2, 1). Considering that Aristotle's doctrine is divine, Scholarius contradicts Aristotle himself, however catches ideas on divinity of nature (cf. Augustine, De civitate Dei, 12, 25; Simplicius, Comment. in Arist. Phys. 1, 1).

Европейская мысль от Нового времени к Модерну и ее рецепции в России

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Philosophy

Либерализм и моральный закон: к генеалогии понятия совести в социальной метафизике Канта

В докладе рассматриваются основные концептуальные построения Канта в области морали, права и религии, которые являются существенными условиями формирования специфической морально-

²⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI - XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00251 "The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th-15th Centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

политической конструкции, каковой является кантовское понятие совести (и суда совести), а также его эстетико-политический аналог в понятии «чистой совести». В связи с данной задачей проанализированы основные контексты применения и формулировки данных понятий в корпусе опубликованных Кантом сочинений (корпус книг и статей, посвященных практической философии, «Религия в пределах только разума», «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?»), проблематика кантовской критики пробабилистской казуистики совести и новой казуистики чистой совести, к которой приводит кантовская интерпретация совести при помощи открытого им категорического императива морали. Как итог исследования рассмотрен контекст рациональной аллегорезы книги Иова, которая представляется Кантом («О неудачах всех философских попыток теодицеи») в виде моральной теологии чистой совести как идеального истока социальной и личной идентичности субъекта исторического процесса.

Liberalism and the Moral Law: To the Genealogy of the Concept of Conscience in Kant's Social Metaphysics

In the paper, we scrutinize Kant's basic conceptual build-ups in the area of morality, law and religion sufficient for the formation of specific moral-political construction, which is the Kantian concept of conscience (and court of conscience), as well as its aesthetico-political analog in the concept of "pure conscience". Within this task, there are analyzed the basic contexts of applying and formulating these concepts within the bulk of Kant's published works (collection of books and articles concerning practical philosophy, "Religion within the limits of reason alone", "Answering the question: What is Enlightenment?", the problem field of Kantian critique of probabilistic casuistic of conscience and new casuistic of pure conscience, to which leads Kant's interpretation of conscience with the assistance of the categorical imperative of moral found by him. As a result of the study, we review the context of rational allegoresis of the book of Job, which is represented by Kant ("On the failure of all attempted philosophical theodicies") in the form of moral theology of pure conscience as an ideal source of social and personal identity of a subject of the historical process.

Иваненко Антон Александрович / Anton A. Ivanenko

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, Associate Professor, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Философия религии И.Г. Фихте: статьи периода «Спора об атеизме»

С октября 1798 по начало 1800 годов в Германии развернулась общественно-научная дискуссия вокруг обвинения И.Г. Фихте в атеизме, позднее получившая название «Спор об атеизме». Она была вызвана появлением статей о религии Ф.К. Форберга и И.Г. Фихте, в ходе же нее последним было написано еще четыре сочинения, в которых он развивал и разъяснял выдвинутые им в первой статье («Об основании нашей веры в Божественное мироправление») понятия Бога и религии, а также защищался от обвинения в атеизме и, в свою очередь, напал на воззрения своих обвинителей. В этих сочинениях Фихте впервые выдвинул понятия Бога и религии, которые позже легли в основу философии религии, изложенную им в работах 1806 г. — в «Основных чертах современной эпохи» и «Наставлении к блаженной жизни». Но в сочинениях, относящихся к периоду «Спора об атеизме», он, в отличие от указанных работ, не излагает это учение, а устанавливает его философские основания, в чем и заключается их научно-философское значение. Согласно Фихте, Бог не может быть отдельным существом, в противном случае он был бы чем-то сопоставимым с прочими существами, чем-то принципиально однородным с ними. Бог, по Фихте, есть единая субстанция и закон разворачивания всей земной жизни, а религия — вера в такое Божественное и нравственное мироправление. Согласно еще одному из хронологически близких его сочинений, «Второму курсу по наукоучению 1804 г.», она, однако, не является высшей формой познания абсолютного, уступая это имя наукоучению.

Philosophy of Religion by J.G. Fichte: Articles from the period of the “Atheism dispute”

From October 1798 to the beginning of 1800, a social and scientific discussion unfolded in Germany around the accusation of J.G. Fichte in atheism, later called the “Atheism dispute”. It was caused by the appearance of articles on religion by F.K. Forberg and J.G. Fichte, during which the latter wrote four more essays in which he developed and explained the concepts of God and religion put forward by him in the first article (“On the Ground of Our Belief in a Divine World-Governance”), and also defended himself against accusations of atheism and, in turn, attacked the views of his accusers. In these writings, Fichte first put forward the concepts of God and religion, which later formed the basis of the philosophy of religion, which he set forth in his works of 1806 – in “Characteristics of the Present Age” and “The Way Towards the Blessed Life”. But in the writings relating to the period of the “Atheism dispute”, unlike these works, he does not expound this doctrine, but establishes its philosophical foundations, which is their scientific and philosophical significance. According to Fichte, God cannot be a separate being, otherwise he would be something comparable to other beings, something fundamentally homogeneous with them. God, according to Fichte, is a single substance and the law of the unfolding of all earthly life, and religion is faith in such a Divine and moral world order. According to another of his chronologically close works, “The Science of Knowing: J.G. Fichte's 1804 Lectures on the Wissenschaftslehre”, however, it is not the highest form of knowledge of the absolute, yielding this name to science.

Кленин Петр Владиславович / Petr V. Klenin

ГБОУ гимназия №32 «Гимназия петербургской культуры», магистр философии / Gymnasium №32 «Gymnasium of St. Petersburg culture», MSc in philosophy

Формирование образовательных идеалов в традиции позднего немецкого Просвещения

Доклад посвящен анализу философских причин возникновения и видоизменения образовательных идеалов в Германии в конце 18 и начале 19 веков. В противовес устоявшейся в научном сообществе традиции противопоставления Просвещения Романтизму, в докладе предлагается взгляд на истоки философских и образовательных концепций немецких мыслителей начала 19 века как на закономерное следствие несостоятельности идей Просвещения. Образовательные идеалы рассматриваются через формирование философских и образовательных идей, значимых как в теоретическом, так и в ценностном смысле. Так линии Кант-Фихте-Герbart противопоставляются линии Шиллер-Шлейермахер и Шеллинг-Гегель. Оказывается, что вопросы обоснования цели и метода образовательного процесса, особенностей педагогических процедур следуют из философских учений указанных мыслителей. В докладе делается вывод о том, почему образовательные идеалы, как обоснованные в конкретном культурно-историческом контексте идеи, могут оказаться непродуктивными в отрыве от философии.

Formation of educational ideals in the tradition of the Late German Enlightenment

The report deals with the analysis of the philosophical causes of the emergence and modification of educational ideals in Germany in the late 18th and early 19th centuries. In contrast to the established tradition in the scientific community of opposing Enlightenment to Romanticism, the report offers a look at the origins of philosophical and educational concepts of German thinkers of the early 19th century as a natural consequence of the failure of Enlightenment ideas. Educational ideals are considered through the formation of philosophical and educational ideas that are significant both in the theoretical and in the value sense. Thus, the Kant-Fichte-Herbart lines are contrasted with the Schiller-Schleiermacher and Schelling-Hegel lines. It turns out that the issues of justification of the purpose and method of the educational process, the features of pedagogical procedures follow from the philosophical teachings of the mentioned thinkers. The report concludes why educational ideals, as ideas based on specific cultural and historical context, can be unproductive in isolation from philosophy.

Евлампиев Федор Игоревич / Fedor I. Evlampiev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, студент / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, student

Государство как духовная аристократия в философии Платона и Фихте²⁵

В докладе обосновывается рассматривается платоновское понимание государства и его правителей как людей, обладающих особой связью с духовной сферой, что и даёт им способность править. Такую форму государства автор называет духовной аристократией. Производится сравнение этой концепции с идеями, изложенными в курсе лекций Фихте «Основные черты современной эпохи», где он создаёт сходную модель государства, говоря о существовании особых людей, через которых идея рода действует в истории, реализуя мировой план. И в том и в другом случае, качества правителя связываются именно со сферой духа, а не с непосредственно практическим умением распоряжаться людьми, которым может обладать и тот, кто на самом деле неспособен править.

The state as spitual aristocracy in philosophy of Plato and Fichte

The report substantiates the Platonic understanding of the state and its rulers as people with a special connection with the spiritual sphere, which gives them the ability to rule. The author calls this form of state a spiritual aristocracy. This concept is compared with the ideas outlined in Fichte's course of lectures "The main features of the modern era", where he creates a similar model of the state, speaking about the existence of special people through whom the idea of the genus acts in history, realizing the world plan. In both cases, the qualities of a ruler are associated precisely with the sphere of the spirit, and not with the direct practical ability to dispose of people, which can also be possessed by someone who is actually unable to rule.

Алёткин Виталий Александрович / Vitaliy A. Alyetkin

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, магистрант / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Master's student

Педагогическое учение Фихте в «Речах к немецкой нации»

Доклад выявляет и анализирует педагогические идеи Фихте, выраженные им в «Речах к немецкой нации». Исток этих идей лежит в основном принципе Наукоучения – самоопределении посредством деятельности, где активность самого познающего в ходе переоткрытия им истины становится важнейшим моментом. Реализации этого принципа в истории человечества посвящен лекционный курс, опубликованный под названием «Основные черты современной эпохи». «Речи к немецкой нации» продолжают этот курс и становятся исследованием с практическим замыслом – одним из шагов мыслителя по приближению наступления следующей исторической эпохи – эпохи разумной науки. Переход в эту эпоху возможен через изменение системы образования и непосредственной реализации принципа философии уже в педагогике. Если в более ранних произведениях Фихте делает акцент в большей степени на исследовании индивидуальной феноменологии человека, то в «Речах» этот акцент смещается на те внешние условия, которые должны быть обеспечены для реализации основного принципа. Идеи Фихте остаются по-прежнему актуальными и до сих пор еще не реализованными в современной педагогической практике.

²⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>
The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153 "The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the XIX–XXI centuries" (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/21-18-00153/>

Fichte's pedagogical doctrine in "Addresses to the German Nation".

The report identifies and analyzes Fichte's pedagogical ideas, expressed in his "Addresses to the German Nation". The source of these ideas lies in the basic principle of Science of knowledge – self-determination through activity, where the activity of the knower himself in the course of his rediscovery of the truth becomes the most important moment. A lecture course published under the title "The Characteristics of the Present Age" is devoted to the implementation of this principle in the history of mankind. "Addresses to the German Nation" continues this course and becomes a study with a practical plan – one of the thinker's steps to bring the next historical era closer – the era of reasonable science. The transition to this era is possible through a change in the education system and the direct implementation of the principle of philosophy in pedagogy. If in earlier works Fichte focuses more on the study of the individual phenomenology of man, then in the "Addresses" this emphasis shifts to those external conditions that must be provided for the realization of the basic principle. Fichte's ideas remain relevant and have not yet been implemented in modern pedagogical practice.

Евлампиев Игорь Иванович / Igor I. Evlampiev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Взаимодействие идей Фихте и Гегеля в русской философии (на примере работ И.А. Ильина)

В докладе обосновывается утверждение, что влияние идей Фихте на русскую мысль было гораздо более сильным, чем это признается в существующей исследовательской литературе. В качестве наглядного примера анализируется творчество И.А. Ильина, который впервые обратился к работам Фихте в 1912 году, но оценил их достаточно критично, утверждая, что Гегель создал гораздо более глубокое учение. Однако при последующей работе над книгой «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) Ильин в конце концов признает позднее религиозно-философское учение Фихте той образцовой метафизической моделью, которую Гегель, не признаваясь в этом явно, использовал для построения своей системы.

Interaction of the ideas of Fichte and Hegel in Russian philosophy (on the example of the works of I.A. Ilyin)

The report substantiates the assertion that the influence of Fichte's ideas on Russian thought was much stronger than is recognized in the existing research literature. The report analyzes, as an illustrative example, the work of I.A. Ilyin who first turned to the works of Fichte in 1912, but assessed them quite critically arguing that Hegel created a much deeper teaching. However during subsequent work on the book "Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man" (1918) Ilyin eventually recognizes Fichte's later religious and philosophical teaching as the exemplary metaphysical model that Hegel without explicitly admitting this used to build his system.

Шевцов Александр Викторович / Alexandr V. Shevtsov

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, доцент, канд. филос. наук / Moscow aviation institute (national research university), Moscow, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

К вопросу рецепции сочинения Л. Г. фон Якоба «Начертание всеобщей логики и критические основоположения всеобщей метафизики» в русской философии

Рассматривается сочинение Л.Г. фон Якоба (1759-1827) «Начертание всеобщей логики и критические основоположения всеобщей метафизики» (первое издание 1788 вышло в Галле, четвертое 1800 гг., четвертым изданием мы здесь и будем пользоваться). Изучение наследия Л.Г. фон Якоба является важным в контексте изучения истории русской философии. Л.Г. фон Якоб был профессором философии в университете Галле, а также он был первым профессором философии, который

разобрался с учением И. Канта и начал читать у себя в университете Галле курс критической философии. Но в 1806 году после битвы под Йеной, университет в Галле был закрыт Наполеоном и профессора этого университета вынуждены были искать новое место работы. Л.Г. фон Якоб обратился ко двору императора Александра I и получил приглашение к переезду в Российскую империю. Л.Г. фон Якоба пригласили в новооткрытый Харьковский университет (причем, переезд и устройство с семьей и за государственный «кошт»). Поэтому научное и философское наследие Людвиг Генриха Якоба требует более детального исследования в истории русской философии. Логическое учение Л.Г. фон Якоба через обращение к концепции логического сорита является инструментом и исследования, и порождения смыслов, как было показано в наших предыдущих исследованиях философии этого немецкого мыслителя. Доказывается, что так построенное учение Л.Г. фон Якоба, гармонично требовало для логического фундамента «метафизической» философской части. Показывается, что новизна этого сочинения Якоба заключалась в том, что он не только наследовал критицизм Канта в своей философии, но и показал, что так понятая метафизика, должна строиться на логике. Поэтому здесь доказывается, что в этом сочинении Якоб представил обновленную критическую философию: сначала он рассматривал основоположения логики, а затем критические основоположения всеобщей метафизики, и эти последние должны строиться с помощью логического сорита. Как мы и показывали в наших предыдущих исследованиях философии Л.Г. фон Якоба, этот мыслитель выстраивал не просто критическую философию или логику, как учение о способах правильного мышления, но он придавал всей своей критической философии комплексное понимание. Этот труд по логике включал как само логическое учение, так и часть критического анализа «практического разума», а также критику самой познавательной способности разума. Именно эта часть сочинения, названная всеобщей метафизикой, содержала учение о логическом сорите как центральном пункте общего учения Якоба о мыслительной способности человека, способности человека строить гипотетические суждения. Труды Людвиг Генриха (в России его величали Кондратьевич) Якоба еще не достаточно изучены в нашей стране. Этот процесс необходимо продолжить с тем, чтобы ввести его наследие в научный оборот и тем самым обогатить историю русской философской мысли.

On the issue of reception of the work of Ludwig Heinrich (Condratievich) von Jakob “The outline of universal Logic and the critical founders of omnipresent Metaphysics” in Russian Philosophy

The work of Ludwig Heinrich von Jakob (1759-1827) “An outline of universal logic and the critical principles of universal metaphysics” is considered (the first edition of 1788 was published in Halle, the fourth edition was published in 1800, which we will use here). The study of the heritage of L.H. von Jakob is important in the context of the study of the history of Russian Philosophy. L.H. von Jakob was a professor of Philosophy at the University of Halle, and he was also the first professor of Philosophy to deal with the mustache of I. Kant and began to teach a course in critical philosophy in Halle. But in 1806, after the battle of Jena, the university in Halle was closed by Napoleon and professors of this university were forced to look for a new place of work. L.H. von Jakob turned to the court of Emperor Alexander I and received an invitation to move to the Russian Empire. L.H. von Jakob was invited to the newly opened Kharkov University (moreover, moving and arranging with his family and for the state cat). For about 10 years, L.H. von Jakob lived and worked in Russia from 1807 to 1816. Therefore, the scientific and philosophical heritage of Ludwig Kondratyevich von Jakob, as he was called in Russia, requires a more detailed study in the history of Russian philosophy. Thus, the logical teaching of L.H. von Jakob through an appeal to the concept of logical sorite is a tool for both research and the birth of meanings, as has been shown in our previous studies of the philosophy of this German thinker. It is proved that the constructed teaching of L.H. von Jakob naturally required a “metaphysical” philosophical part for the logical foundation. It is shown that the novelty of this work of Jakob was that he not only inherited Kant’s criticism in his philosophy, but also showed that the so-understood metaphysics should be based on logic. Therefore, it is proved here that in this work Jakob presented an updated critical philosophy: first he considered the founders of logic, and then the critical founders of universal metaphysics, and these latter should be built with the help of logical sorite. As we have shown in our previous studies of the philosophy of L.H. von Jakob, this thinker did not just draw critical philosophy or logic as the doctrine of the ways of correct thinking, but he gave his whole philosophy a comprehensive understanding. This work on logic included both logical teaching itself and part of the critical analysis of the “practical mind”, as well as criticism of the mind’s cognition itself. It was this part of the composition, called universal metaphysics, that contained the doctrine of logical sorite as the central point of Jakob’s general doctrine of human thought ability, the ability of man to make hypothetical judgments. The works of Ludwig Heinrich von Jakob have not yet been sufficiently studied in our country.

This process must be continued in order to introduce his legacy into scientific circulation and thereby enrich the history of Russian philosophical thought.

Протопопов Иван Алексеевич / Ivan A. Protopopov

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, доцент, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Associate Professor, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Понятие о бытии и онтологическое доказательство существования Бога в философии Гегеля

В докладе показывается, что сущность онтологического доказательства в понимании Гегеля, состоит в возвышении человеческого духа к Богу, при котором мы, через логическое мышление всего конечного сущего в его сущности, приходим к раскрытию его основания в виде бесконечного бытия, которое познается нами в понятии о Боге. Логика Гегеля в виде системы диалектического тождества мышления и бытия представляет собой царство доказывающей себя истины, которая раскрывает для нас это высшее бытие как основание существования и возможности всего мыслимого сущего. Предметом Логики выступают такие всеобщие определения мышления, которые выступают формами действительного бытия, образующего реальное основание сущности всего мыслимого сущего и его существования для чувственного восприятия. В докладе будет рассмотрено гегелевское осмысление кантовской критики онтологического доказательства, и положительная спекулятивная форма, которую Гегель придает онтологическому доказательству, совпадающая с той его версией, которую выдвинул Кант в «докритическом» периоде. Высшая спекулятивная форма онтологического доказательства заключается, согласно Гегелю, не в переходе от субъективно мыслимого понятия Бога, выражающего возможность мышления о нем, к его действительному бытию, как это обстояло у Ансельма и Декарта, но в переходе от абсолютной субъективности понятия, в котором мыслится все сущее в его сущности (суждение и умозаключение), к его объективности как действительному бытию, в котором все мыслимое сущее полагается как существующее.

The concept of being and the ontological proof of the existence of God in Hegel's philosophy

The report shows that the essence of ontological proof in Hegel's conception consists in the elevation of the human spirit to God, in which we, through logical thinking of all finite things in its essence, come to the disclosure of its basis in form of infinite being, which we know in the concept of God. Hegel's logic, in the form of a system of dialectical identity of thinking and being, represents the realm of self-proving truth, which reveals to us this higher being as the basis of the existence and possibility of all conceivable being. The subject of Logic are universal definitions of thinking, which act as forms of actual being, forming the real basis of the essence of all conceivable being and its existence for sensory perception. The report will examine the Hegelian interpretation of Kant's criticism of ontological proof, and the positive speculative form that Hegel gives to ontological proof, coinciding with the version of it that Kant put forward in the "pre-critical" period. According to Hegel, the highest speculative form of ontological proof consists not in the transition from the subjectively conceived concept of God, expressing the possibility of thinking about him, to his actual being, as was the case with Anselm and Descartes, but in the transition from the absolute subjectivity of the concept, in which all being is thought in its essence (judgment and inference), to its objectivity as actual being, in which all conceivable being is posited as existing.

Муравьев Андрей Николаевич / Andrei N. Muravev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Об одном малоизвестном отечественном мыслителе Серебряного века, погребенном на кладбище Юрмалы

В докладе речь пойдет об Александре Викторовиче Вейдемане (18. (30) 05. 1879, Петербург – 1943, Юрмала, Латвия), который родился в семье обрусевших балтийских немцев и окончил (1903) историко-филологический факультет Санкт-Петербургского императорского университета. Философские взгляды Вейдемана формировались под влиянием лекций А.И. Введенского. Вейдеман руководил Санкт-Петербургским философским Собранием (1908-1918), куда наряду с немногими прочими членами входили Гартман, Гессен и Сеземан. Эмигрировал в Латвию (1923), докторскую диссертацию защитил в Каунасском университете (1927). Написанные им на русском языке работы Вейдеман издавал, главным образом, за свой счет. Стремясь продолжить на почве отечественной культуры развитие мировой философской науки, высшим пунктом которого он считал трансцендентальный идеализм Канта, Вейдеман создал оригинальную версию неокантианства, отличную от других западноевропейских и отечественных его вариаций. Принцип этой версии, в систематической форме выражающей единство многообразного содержания человеческой мысли, составляет, по Вейдеману, тождество бытия и мышления, ибо оно предваряет все фазы бесконечного становления абсолютной идеи чистого разума в природе и культуре. Свою трактовку философии как науки о безусловных условиях конкретного бытия, познаваемого другими науками, Вейдеман противопоставил не только методологическим штудиям Когена, Наторпа и Риккерта, но и системе Гегеля, воспринятой им как логический эволюционизм, неправомерно отождествляющий историю с логикой, и антигносеологический космоцентризм, отрывающий мышление от мыслящего человека.

About one little-known Russian thinker of the Silver Age, buried in the Jurmala cemetery

The report will focus on Alexander Viktorovich Weideman (18. (30) 05. 1879, Petersburg – 1943, Jurmala, Latvia), who was born into a family of Russified Baltic Germans and graduated (1903) from the Historical and Philological Faculty of the St. Petersburg Imperial University. Weidemann's philosophical views were formed under the influence of A.I. Vvedensky's lectures. Weidemann led the St. Petersburg Philosophical Assembly (1908-1918), which, along with a few other members, included Hartmann, Hessen and Sesemann. He emigrated to Latvia (1923), defended his doctoral thesis at the University of Kaunas (1927). Weideman published his works in Russian mainly at his own expense. Striving to continue the development of world philosophical science on the basis of Russian culture, the highest point of which he considered Kant's transcendental idealism, Weidemann created an original version of neo-Kantianism, different from other Western European and domestic variations of it. The principle of this version, which systematically expresses the unity of the diverse content of human thought, constitutes, according to Weidemann, the identity of being and thinking, because it precedes all phases of the infinite formation of the absolute idea of pure reason in nature and culture. Weidemann opposed his interpretation of philosophy as the science of the unconditional conditions of concrete being, cognizable by other sciences, not only to the methodological studies of Cohen, Natorp and Rickert, but also to Hegel's system, perceived by him as logical evolutionism, wrongly identifying history with logic, and anti-gnoseological cosmocentrism, which separates thinking from thinking man.

Паткуль Андрей Борисович / Andrei B. Patkul

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Региональные онтологии: от Гуссерля к Хайдеггеру

В докладе будут реконструированы основные моменты понятий «регион» и «региональная онтология» у Э. Гуссерля. На этом фоне будет показано, как М. Хайдеггер трансформирует гуссерлевскую трактовку данных понятий. В частности, можно утверждать, что у Хайдеггера, в отличие от Гуссерля, региональная проблематика встраивается в контекст тезиса онтологического различия, т.е. разведения бытия и сущего. А сами регионы трактуются Хайдеггером не как предметные регионы, но как регионы сущего. Данная проблематика связывается Хайдеггером с одним из самых ключевых тезисов его онтологии: тезисом о различии способов бытия, исторически, вероятно, восходящему к тезису о многозначности сущего у Аристотеля. Особый акцент при этом будет сделан на проблеме взаимно-однозначного соответствия

дифференции способов бытия и дифференциации регионов сущего. Кроме того, в докладе будет рассмотрена взаимосвязь региональных онтологий, с одной стороны, с метонтологией, а с другой стороны, с «продуктивной логикой» в философии Хайдеггера.

Regional Ontologies: From Husserl to Heidegger

In my talk, I reconstruct the main points of the concepts of “region” and “regional ontology” in E. Husserl. Against this background, I show how M. Heidegger transforms Husserl’s interpretation of these concepts. In particular, I state that in Heidegger, in contrast to Husserl, regional problems are included in the context of the ontological difference thesis, i.e. separation of being and that-which-is. And the regions themselves are interpreted by Heidegger not as regions of objects, but as regions of that-which-is. This issue is associated by Heidegger with one of the key theses of his ontology: the thesis about the difference in the ways of being, historically, probably, going back to the thesis about the ambiguity of that-which-is in Aristotle. Particular emphasis will be placed on the problem of one-to-one correspondence between the differentiation of ways of being and the differentiation of regions of that-which-is. In addition, I examine the relationship of regional ontologies, on the one hand, with metontology, and, on the other hand, with “productive logic” in Heidegger’s philosophy.

Савин Алексей Эдуардович / Alexey E. Savin

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московская школа управления «Сколково», Москва, Россия, профессор, доктор философских наук / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow School of Management “Skolkovo”, Moscow, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Скрытая полемика с ленинизмом и формирование базового концепта критической теории в западном марксизме

Целью работы является идентификация и экспликация основных моментов критики ленинизма в период становления Франкфуртской школы. Кроме того, прослеживается влияние этой критики ленинизма на генезис и сущность концепта критической теории. Исследование демонстрирует, что эта критика ведется по двум основным линиям: во-первых, как полемика против мнимого ленинского натуралистического понимания природы и познания (отражения), во-вторых, как полемика против трактовки укорененности критического интеллектуала в позиции класса и партии как его авангарда. Оба обвинения по мысли ранних франкфуртцев демонстрируют метафизичность и аисторичность основных философских положений ленинизма и его зависимость от гегелевского идеализма.

Implicit polemics against Leninism and the formation of the basic concept of Critical Theory in Western Marxism

The aim of the article is to identify and explicate the main points of criticism of Leninism during the formation of the Frankfurt School. Besides, the influence of the criticism of Leninism on the genesis and essence of the Critical Theory concept is explored. The investigation demonstrates that the criticism is fulfilled along two main lines: firstly, as a polemic against Lenin's alleged naturalistic understanding of nature and cognition (reflection), and secondly, as a polemic against the interpretation of the critical intellectual’s rootedness in the position of the class and the party as its vanguard. Both charges, according to the early Frankfurters, demonstrate the metaphysical and ahistorical nature of the main philosophical principles of Leninism and its dependence on Hegelian idealism.

Тимофеев Александр Иванович / Aleksander I. Timofeev

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / St. Petersburg State University of Film and Television, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Мих. Лифшиц: проблема исходных понятий эстетики Гегеля

М.А. Лифшиц был в советский период крупнейшим знатоком эстетики Гегеля. Под его руководством было осуществлено, по сути, академическое издание гегелевских лекций по эстетике. Им была хорошо осознана важность определения исходных, базовых понятий, поскольку они дают основное методологическое направление анализа, формируют смысловую парадигму. Показывает то, какие предметные области будут находиться в фокусе внимания исследователя, и какие не будут. В конечном итоге этим определяются глубина исследования и его реальные результаты.

Свои теоретические выводы он изложил в, по существу, итоговой статье в сборнике «Эстетика Гегеля и современность», который вышел в свет в 1984 году уже после его смерти. В ней проанализированы исходные базовые понятия гегелевской эстетики как их понимал автор. Он выделил три таких понятия, а именно: истина, идея и идеал. Раскрывая гегелевское понимание идеи и идеала, Лифшиц пишет, что «Когда речь идет о всеобщем содержании, это идея. Когда перед нами «индивидуальное формирование действительности, обладающее специфическим свойством являть через себя идею», — идеал». Всеобщий момент идеи, по сути, рассматривается как ее единственное содержание и опускается из вида ее духовная составляющая, которая, по Гегелю, становится в действительной в духовной индивидуальности как художника, так и произведения искусства, прежде всего в формах классического и романтического искусства.

Отсутствие исследовательского внимания к спекулятивному моменту безусловной негативности знающей себя идеи было определено не только индивидуальными предпочтениями рассматриваемого автора, но и всей духовной парадигмой того времени. В России эта исследовательская парадигма была функциональной вплоть до конца XX века.

Mih. Lifshitz: the problem of the original concepts of Hegel's aesthetics

M.A. Lifshits was in the Soviet period the greatest connoisseur of Hegel's aesthetics. Under his leadership, in fact, the academic publication of Hegel's lectures on aesthetics was carried out. He was well aware of the importance of defining the initial, basic concepts, since they provide the main methodological direction of analysis, form a semantic paradigm. It shows which subject areas will be in the focus of the researcher's attention, and which will not. Ultimately, this will determine the depth of the study and its real results.

He outlined his theoretical conclusions in an essentially final article in the collection "Hegel's Aesthetics and Modernity", which was published in 1984 after his death. It analyzes the initial basic concepts of Hegelian aesthetics as the author understood them. He identified three such concepts, namely: truth, idea and ideal. Revealing the Hegelian understanding of the idea and the ideal, Lifshitz writes that "When it comes to the universal content, it is an idea. When we have before us 'an individual formation of reality, which has the specific property of manifesting an idea through itself', an ideal". The universal moment of an idea, in fact, is considered as its sole content and its spiritual component is omitted from view, which, according to Hegel, becomes valid in the spiritual individuality of both the artist and the work of art, primarily in the forms of classical and romantic art. The lack of research attention to the speculative moment of the unconditional negativity of the self-aware idea was determined not only by the individual preferences of the author in question, but also by the entire spiritual paradigm of that time. In Russia, this research paradigm was functional until the end of the twentieth century.

Ляшко Илья Анатольевич / Ilya A. Lyashko

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, преподаватель, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia, Lecturer, CSc in Philosophy

Наследие Б. Спинозы в учении Э. Ильенкова

Эвальд Ильенков определяет Бенедикту Спинозе узловое место в истории философии. Согласно его мысли, понятие субстанции позволило преодолеть дуализм и легло в основу диалектической логики. Русский мыслитель считает достижения Спинозы поучительными как для современной философии, так и для эмпирических наук. В докладе исследуется логика такой оценки. Будут рассмотрены категории учения Спинозы (субстанция, модус, атрибут, *causa sui*) и его интерпретации Ильенковым (целое, часть, анализ, синтез). Выводом и приглашением к дискуссии станут тезисы об отношении метафизического учения Спинозы и диалектического метода Ильенкова.

The legacy of B. Spinoza in E. Ilyenkov's philosophical doctrine

Evald Ilyenkov defines Benedict Spinoza as a node point in history of philosophy. The notion of substance overcomes dualism and lays foundation of dialectical logic. Russian philosopher considers Spinoza's achievements enlightening for modern philosophy and empirical science. The report outlines the logic behind this assessment. It's a study of categories of Spinoza's doctrine (Substance, Modus, Attribute, Causa sui) and Ilyenkov's interpretation (Whole, Part, Analysis, Synthesis). It's concluded by theses about relation between metaphysical doctrine of Spinoza and dialectical method of Ilyenkov.

Лагутин Сергей Владимирович / Sergey V. Lagutin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher

Конец истории или история без конца. Проблема признания у А. Кожева и Р. Жирара

В докладе рассматриваются основные понятия, формирующие историко-философские предпосылки формирования историзма А. Кожева. Опираясь на гегелевскую «Феноменологию духа», на диалектику Господина и Раба, Кожев выводит понятие власти из первичной антропогенной потребности в признании и из неизбежной борьбы за это признание. Так же в этом контексте рассматривается антропологическая теория Р. Жирара. Из той же первичной антропогенной потребности в признании следует не столько борьба за признание, сколько миметический кризис, преодолевающийся жертвенным кризисом. В этой связи концепции Конец истории имеют существенное различие.

The end of history or history without end. The problem of recognition in A. Kozhev and R. Girard

The report examines the basic concepts that form the historical and philosophical prerequisites for the formation of A. Kozhev's historicism. Relying on Hegel's "Phenomenology of the Spirit", on the dialectic of Master and Slave, Kozhev deduces the concept of power from the primary anthropogenic need for recognition and from the inevitable struggle for this recognition. The anthropological theory of R. Girard is also considered in this context. From the same primary anthropogenic need for recognition follows not so much a struggle for recognition as a mimetic crisis, overcome by a sacrificial crisis. In this regard, the concepts of the End of History have a significant difference.